

Годфри
Лейас

КАЗАХСКИЙ ИСХОД

Kazak exodus by Godfrey Lias. London, 1956.

Перевод Ростислава Викторовича Петрова.

Публикуется впервые.

Предисловие НАРОД В ИСТОРИИ

На полпути между Северным Ледовитым и Индийским океанами, Средиземным и Японским морями стоит гряда гор – Алтай. На его пышных долинах и травянистых нагорьях возрастали народы, которые распространились по всей Азии – до Пекина, Дели, Самарканда – и дошли даже до самого сердца Европы. Имена многих из их правителей вызывают, в зависимости от точки зрения, ужас и презрение, восхищение и гордость. Чингисхан, Тамерлан, императоры Великих Моголов, даже Аттила – среди тех, кого казахи и монголы Алтая считают своими предками.

Следовавшие за такими правителями люди были под стать им – выносливыми, уверенными в себе, честолюбивыми, безжалостными, гостеприимными, и сегодняшние их потомки в этом похожи на них. Готовые ехать вперед, хоть на край света, чтобы добыть славу, служа человеку действия; одинаково счастливые в безудержной скачке с орлом на руке по своим любимым горам, в перекочевках вместе со своими войлочными домами вверх на альпийские долины и вниз с них каждую весну и осень, в заботах о своих неисчислимых гуртах и стадах – и безразличные к внешнему миру, даже к Великому Шелковому пути между Китаем и Западом, по которому пятьсот лет назад Марко Поло прошел почти у самых дверей их юрт.

За столетия, которые протекли мимо Алтая со времен Марко Поло, мир стал меньше, теснее, однако народы Алтая данное обстоятельство мало заботило до тех пор, пока этот внешний мир к концу девятнадцатого столетия постепенно не начал теснить их. Сами они тем временем росли и множились, расширяя свои территории, а не ужимая их, и ревущие гурты их двугорбых верблюдов, отары курдючных овец и коз, стада крупного рогатого скота и табуны их любимых лошадей становились всё многочисленнее и тучнее. Монголы начали распространяться преимущественно в восточном направлении. Большинство казахов двинулось на запад, туда, где теперь расположен Советский Казахстан – область почти столь же обширная, как вся Европа по правую сторону железного занавеса,

а некоторые повернули на юг через ту местность, что называется Джунгарией, и высокую цепь гор, известную как Тянь-Шань, или Небесные горы.

Этот правдивый рассказ – главным образом о южной группе казахов, чей традиционный дом оказался в регионе, из-за которого российский и китайский империализм ссорились на протяжении веков. К началу двадцатого столетия разделительная линия между ними пролегла по Алтайским горам и к северу от Тянь-Шаня. Но ни русских, ни китайцев это не устраивало. В недрах земли по обе стороны спорной границы, вдоль которой казахи некогда свободно кочевали, как законные владельцы, таились богатые залежи золота, вольфрама, угля, меди и других металлов, а также, вероятно, урана. Более того, и Алтай, и Тянь-Шань, и их отроги всегда были способны прокормить очень много скота.

В прошлом казахи играли на стороне одной группы империалистов против другой. Эта хорошо работавшая система начала ломаться, когда большевистская тирания узурпировала функции царизма. Меньше чем через пятнадцать лет после установления коммунистического режима в России коммунисты получили экономический, а затем и политический контроль над китайской провинцией Синьцзян, в которой проживали 800 000 казахов – героев нашей истории. С тех пор, за исключением короткого периода, они оставались подконтрольными.

Последнюю четверть века казахи Алтая и Тянь-Шаня вели отважную, но безнадёжную борьбу. Вместо того чтобы безропотно смириться, когда незванные гости пришли на их отчизну, они взялись за оружие и попробовали прогнать пришельцев. Жажда борьбы, безусловно, в крови казахов, никто этого не отрицает. Но на сей раз они сражались не за наживу или славу, а за свой образ жизни. А когда они больше уже не могли сопротивляться, многие из уцелевших предпочли уйти в бесплодные пустыни и суровые горы Такла-Макана и Тибета, навстречу известным и неизвестным тяготам, но не подчинились. Многие погибли в пути. Но некоторые, не более 2000 человек, сумели добраться до Кашмира, а со временем получили приглашение обустроить новые дома в Турции. Именно там я услышал от них эту историю. Конечно, я целенаправленно просил их рассказать мне всё, потому что коммунисты тщательно скрывали произошедшее от всего мира. Вскоре я начал понимать, почему они это делали.

Слушая рассказы казахов, я невольно возвращался мысленно к Аврааму, Исааку, Иакову, Моисею, к Давиду и Ионафану, к Илие, Иеремии и другим известным библейским персонажам. Есть – или было – большое сходство в образе жизни казахов и древних евреев, хотя казахи – мусульмане, как и турки, и были таковыми еще до четырнадцатого столетия. Они также утверждают, что имеют общее происхождение с турками, и некоторые из них действительно выглядят как турки, но большинство казахов по внешности ближе к монголам. Их образ существования, впрочем, установился с тех времен, когда жизнь кочевников по всей Азии складывалась по одному общему образцу, имевшему много общего с жизнью ветхозаветных патриархов и бедуинских племен наших дней, так же как с жизнью монголов, готов и гуннов, которые прокатились через Европу в так называемые темные века Средневековья. Это название всегда заставляет меня задаться вопросом, как назовут наши времена, когда они войдут в историю.

Насколько мне известно, для англоязычных читателей никогда прежде не описывалась кочевническая жизнь казахов, поэтому я попробовал изложить эпическую историю их приключений и страданий не как сторонний наблюдатель,

тель, но с их собственной точки зрения, показать, прежде чем их образ жизни забудется, какими людьми они были – и все еще остаются в душе, какую жизнь вели, пока коммунизм не обрушился на них своей губительной силой. Когда на них смотрели как на низшую колонизируемую расу – они сопротивлялись, что делали и мы, когда Гитлер пытался относиться к нам подобным образом. В итоге из 800 000 казахов, проживавших в китайской провинции Синьцзян (или Восточном Туркестане, как предпочитают называть ее некитайские жители), по меньшей мере 100 000 умерли.

Скудость сведений о великой казахской эпопее, о которой стало известно, когда уцелевшие участники этого исхода достигли Кашмира, означает необыкновенную приверженность казахов высокой цели и вызов возможностям, сопоставимый в своем роде с решимостью, проявленной отцами-пилигримами, когда те, покинув Англию, отправились строить новое общество на той стороне Атлантики, и с упрямой храбростью детей Израиля, бросивших вызов фараону и ушедших в пустыню под водительством Моисея, а также с отступлением десяти тысяч доблестных греков, чье бегство в другую часть Азии было увековечено Ксенофонтom. Узнав, что казахи, не найдя счастливого дома в Кашмире, собрались двигаться в Турцию по приглашению турецкого правительства, я решил направиться в эту страну, чтобы понять, почему они рисковали жизнями в таком отчаянном предприятии и что происходило с ними во время их 2000-мильного пути к свободе.

Итак, наша история начинается в конце девятнадцатого столетия, в 1899 году, когда появился на свет Оспан-батыр¹, Оспан-герой, – год Кабана согласно летосчислению казахов, заимствованному ими у китайцев. В те дни казахские племена жили большей частью так, как это повелось исстари – не просто со дней Чингисхана, а со времен Авраама и Исаака. Аврам, как он тогда называл себя, и Лот договорились, что будут располагаться слева или справа² на равнинах или в горах Иудеи. Казахи подобным же образом поделили с ближайшими соседями – монголами Алтай, Тянь-Шань и пригодные для обитания низменные части Джунгарии между этими горными цепями, хотя, как и во времена еврейских патриархов, на той же самой земле жили и возделывали ее и другие народы. И, так же как еврейские патриархи, казахи перевозили свои разборные дома с места на место в соответствии с сезонами года.

Они поднимались в горы – намного более высокие, чем в Иудее, – на весну и лето, когда горные пастбища были зелены и сочны, и доходили до самой снеговой линии, то есть на высоту 10–12 тысяч футов над уровнем моря. И они снова спускались в низину, чтобы поставить свои переносные жилища в наиболее защищенных местах на краю обширных степей и пустынь Центральной Азии, когда холодные ветры осени несли первый снег. Обязанные только Богу и своим стадам за ежедневное пропитание, жилье и одежду, казахи не сидели на месте, а отправлялись куда им вздумается, часто с ловчим орлом, сидящим на руке, – подобно тому, как делали и наши прародители в феодальный период. В пути они пели одну за другой песни с запоминающимися мелодиями, и каждый куплет

¹ Здесь и далее мы приводим в подлинном казахском произношении казахские имена Оспан, Калибек и т. д., измененные автором на турецкий лад: Osman, Ali Beg и др. – Прим. пер.

² По другим трактовкам – на севере или юге («Если ты на север – я на юг, а если ты на юг, то я – на север»). – Прим. ред.

обычно заканчивался продолжительной нотой, которая эхом прокатывалась между холмами, как звуки в недрах органа.

Большинство казахских беженцев в Турции (но не все) относятся к племени кереев, отличающихся от казахов других племен маленькими кисточками из перьев совы на тымаках. Общая численность кереев насчитывает до ста тысяч человек, но жили они в основном малочисленными родами, кланами, пока коммунисты не установили иной порядок. Каждая такая небольшая группа, скажем в сто семейств (от трехсот до четырехсот человек), имела своего собственного вождя. Их богатство составляли главным образом не деньги, а скот, и группа указанного размера нередко имела в собственности, частично личной, частично общей, тысяч десять овец, две тысячи голов крупного рогатого скота, две тысячи лошадей и тысячу верблюдов. Так что воздух вокруг казахской стоянки был наполнен блеянием бесчисленных овец и ягнят, мычанием коров, утробным урчанием верблюдов. К этим пасторальным шумам примешивались звонкий звон верблюжьих колокольцев, позвякивание медно-красных колокольчиков на шеях коров и слабый лязг оловянных бубенчиков у овец.

Когда казахи перекочевывали с места на место, каждое здоровое взрослое животное привлекалось к перевозке разнообразных грузов. Перевозили и маленьких детей, пока те не подрастали достаточно, чтобы самостоятельно сидеть верхом – сначала на овце, затем на корове и наконец на лошади. Таким образом, уже в самом раннем возрасте каждый казахский ребенок становился искусным наездником. Многие мальчики вступали в первую битву – с китайцами или коммунистами – до того, как им исполнялось десять лет, хотя наиболее известный из современных вождей казахов – уже упомянутый Оспан-батыр не имел боевого опыта до достижения двенадцати лет.

Учителем Оспан-батыра в искусстве ведения войны был предводитель партизан Боко-батыр. Имя его столь же близко казахам, как нам имя Робин Гуда, хотя мало кто вне Восточного Туркестана когда-либо слышал его. Во времена Боко-батыра, когда существовала Маньчжурская империя, казахи противостояли китайским сборщикам налогов, которые захватывали их скот, называя это налогообложением, и китайским переселенцам – фермерам, которые стремились прогнать их с земель, всегда принадлежавших им, и возделывать ее. Позже развернулась борьба против китайских и русских коммунистов, пытавшихся с помощью «марксистской веревки» упорядочить жизнь казахов, сгоняя их в колхозы или привлекая к работе на советских шахтах и фабриках.

Когда я спросил Хусейна-тайджи, одного из вождей, ныне живущего близ Девели в Турции, почему он оставил родину, тот сказал: «Лучше умереть, чем жить, как животное. Животное смотрит на человека, будто он Бог. Неправильно, если один человек будет смотреть так на другого».

Почти столетием раньше другой казахский лидер – Кенесары произнес почти те же слова, когда русские пытались подкупить казаха и обманом склонить его принять условия мира.

Как гласит история, посланник спросил: «Сможет ли круторогий баран, даже если он является вожаком могучего стада, победить льва?» На что Кенесары ответил: «Тот, кто устраивает западню, имея злую цель, оставляет в ней свое мужество. Не лучше ли умереть в сражении или погибнуть в безводной пустыне, нежели принять бесчестье и жить как раб?»

Придерживаясь того же убеждения, казахи нашего времени надели сабли, прицепили к поясам ручные гранаты, закинули за плечи винтовки и автоматы, у кого они были, и оседлали лошадей для сражения. Они уже не были одержимы стремлением завоевать Азию и весь мир, как в дни Чингисхана, Аттилы и Тамерлана; они поднялись на последний бой, чтобы спасти свой исконный образ жизни от уничтожения двумя самыми сильными державами, которые когда-либо знала Азия, – более могущественными, чем сам Чингисхан, и более безжалостными, – Советским Союзом и Китаем. Тот факт, что у них нет вообще никаких шансов в противостоянии подобным противникам, не сдерживал казахов ни на мгновение. Они чувствовали, подобно Хусейну-тайджи и Кенесары, что лучше умереть, чем жить как животные.

То, что начиналось как борьба против китайского национализма и превратилось в сопротивление коммунизму, китайскому и русскому вместе взятым, продолжалось с перерывами и с растущим ожесточением в период между 1930 и 1951 годами. В последний год наступила кульминация момент: массовый исход в Кашмир через ужасную пустыню Такла-Макан и недружелюбные горы Северного Тибета. Заключительный этап, несколько отдаленный от описываемых здесь событий, последовал пятнадцать месяцев спустя, в 1953–1954 годах: перемещение по воздуху, земле и морем из Кашмира в Турцию. Здесь, благодаря великодушию турецкого правительства, казахские беженцы обрели крепкую крышу над головой, хотя, я полагаю, они предпочли бы войлок юрты.

Прежде чем перейти к изложению истории казахов, необходимо представить несколько главных персонажей, от которых я узнал всё это. Первый из них – Калибек.

На родной земле Калибек был главой рода. Турецкий закон не признает такого звания, определяя, что все мужчины, кроме, пожалуй, должностных лиц, равны. Калибек, однако, не может не быть одним из тех, кто равнее других. Любой, кто бывал в доме Калибека в Салихли, мог лично убедиться в том, что он по-прежнему является главой небольшой, приблизительно в триста семей, казахской общины.

Рядом с ним живет его соратник и помощник с боевых времен – Хамза. Именно Калибек и Хамза предоставили мне основную информацию о длительной борьбе казахов против коммунистов, в которой они сами играли ведущую роль на протяжении большей части своей жизни. Я выражаю им глубокую благодарность и бесконечное восхищение, а также приношу искренние извинения, если где-то случайно неверно истолковал или неосторожно искажил их взгляды.

Я также воздаю должное моему английскому другу, который сопровождал меня в Турцию и больше, чем кто-либо, служил переводчиком-истолкователем, – Дугласу Каррутерсу, лауреату Золотой медали Королевского географического общества, великодушно предоставившему в мое распоряжение свои блестящие географические познания о Центральной Азии и уникальное собрание фотографий.

Наконец, заслуживает отдельной благодарности Хасен, сын Калибека, за его большую и полезную переводческую работу.

В дни своего процветания Калибек имел три больших юрты, по одной для каждой из жен. Все войлоки для юрт были свалены из шерсти его собственных овец, ну а поскольку он был главой рода, юрты его были белыми, а не черными, коричневыми или серыми, как у большинства его сородичей. Когда Калибек

перебирался с зимних пастбищ на летние, а осенью обратно, каждую секцию разобранной юрты, имевшую весьма приличный вес, навьючивали на спину верблюда или вола, предварительно скатав войлок вокруг деревянного каркаса. Юрты состояли из десяти или двенадцати секций, и когда все секции устанавливали на месте, связывая между собой широкой вышитой тесьмой, то диаметр занятой окружности равнялся приблизительно тридцати футам. В центре, под круглым отверстием, через которое выходит дым, находился огромный железный котел – пять и даже шесть мужчин с трудом могли поднять его на круп самого сильного верблюда. В то время Калибек являлся мынбасы, то есть управлял тысячами семейств, а количество голов в его собственных отарах и стадах выражалось пятизначным числом. Группа же, которую он возглавлял, имела в целом приблизительно триста тысяч овец, от четырнадцати до пятнадцати тысяч голов крупного рогатого скота, девять-десять тысяч дойных коров и, возможно, тысячу верблюдов, а лошадей было более чем достаточно в расчете на каждого мужчину и женщину, мальчика и девочку.

Калибек и Хамза жили по соседству. Увидев Хамзу впервые, никто не подумал бы, что он – ветеран не менее ста шестнадцати рукопашных схваток с врагами его народа. Ему только тридцать три года, а сражаться он пошел в десять – вместе с самым старшим из своих братьев, Юнусом-хаджи, бывшим взрослее на двадцать с лишним лет. Физически Хамза немного уступает Калибеку, но по своей рассудительности он к двадцати годам был вполне готов к тому, чтобы достичь ранга, эквивалентного званию полковника.

На родной земле Восточного Туркестана Калибек, Хамза и их последователи все лето питались главным образом творогом и сыром, зимой – мясом, а хлеб был на столе круглый год. Казахские хозяйки гордятся своим умением приготовления молочных продуктов, коих они насчитывают по крайней мере двадцать шесть разновидностей: от твердого, почти как камень, овечьего сыра, который они жуют как закуску перед едой, до кумыса, или сброженной сыворотки, который перевозят в кожаных мешках и которым напиваются допьяна на разного рода торжествах.

Больше всего ценится кумыс, сделанный из кобыльего молока, но обычно его готовят из молока любого животного, способного дать его, когда это необходимо. В докоммунистическую пору только в очень бедных казахских семьях могло не оказаться хотя бы одного бурдюка кумыса, висящего в юрте на ленте ручной вышивки. Деревянная мутовка, напоминающая маленькое весло, торчала из горловины кожаного мешка, и каждый из домочадцев, он или она, проходя мимо, всякий раз энергично перемещал это «весло» вверх и вниз, чтобы ускорить брожение.

Другой заслуживающий отдельного упоминания беженец, с которым я познакомился в Турции, – человек, первым рассказавший мне об Оспан-батыре с Алтайских гор. Товарищи зовут его Карамуллу – певец Карамуллу. Незадолго до нашей встречи Карамуллу сочинил эпическую поэму в честь Оспана-героя, и мы предложили записать ее на нашем маленьком портативном магнитофоне в спальне гостиницы в Девели, небольшом рыночном городке в самом сердце Турции – в четырехстах милях от поселка Салихли, где проживает еще одна группа казахских эмигрантов численностью приблизительно семьсот – восемьсот человек.

Часть своей саги Карамуллу пропел, часть проговорил нараспев, а остальное просто пересказал. Обстановка, надо сказать, не соответствовала происходящему настолько, насколько это возможно. У себя дома, в Восточном Туркестане, Кара-

мулла наверняка сидел бы на почетном месте в юрте главы рода, в центре которой тихо кипел бы большой казан, разожженным кизяком или дровами, и едкий дым мягко поднимался бы к куполу войлочной юрты, прежде чем раствориться в свежем ночном воздухе, выйдя через отверстие наверху. Время от времени откидной полог юрты поднимался бы, и мужчины и женщины, мальчики и девочки проскальзывали бы каждый к своему месту – скромному или важному, в зависимости от социального положения, оставляя у порога верхние туфли, которые они называют калошами. Скрестив ноги, они расселись бы на подушках, циновках и красивых домотканых коврах, разложенных на покрытой войлоком земле вокруг очага, и слушали бы певца безмолвно и с широко открытыми глазами.

Публика Карамуллы в Девели состояла из полудюжины казахов, таких же беженцев, как он, и одетых, как он, – в бесформенную невзрачную европейскую одежду, подаренную сочувствующими турками. Кроме них присутствовали турецкий доктор философии, турецкая леди – профессор лингвистики, ее муж, лектор того же университета, что и его жена, их общий помощник-ассистент, мой говорящий по-казахски коллега из Англии, который работал с магнитофоном, и я. Вместо бесшумного откидного полога юрты была деревянная дверь, петли которой скрипели и скрежетали всякий раз, когда кто-то входил или выходил. Время от времени за окном шумно фыркал грузовик или начинал кукарекать петух, и мы четко слышали все эти посторонние шумы, когда воспроизвели запись на пленке для Карамуллы и его друзей.

Летние стоянки в Восточном Туркестане находились слишком далеко от дорог и казахов не беспокоил грохот грузовиков, хотя позже эти машины часто проезжали мимо их зимних жилищ. Как правило, на таком транспорте российские коммунисты вывозили из Восточного Туркестана свою добычу – или дань, если хотите: живой скот и пшеницу, реквизированные у собственников без какой-либо оплаты, а возможно, и золото и вольфрам, добытые подневольными рабочими на щедрых залежах Алтая.

Песня Карамуллы об Оспан-батыре оказалась, как и вся казахская поэзия, полна неясных ссылок на древнюю историю и легенды, не всем нам понятных. Была в ней, к примеру, строка о том, «кто носил золотой кафтан», которую я долго обдумывал. Спустя несколько недель при посещении музея в городе Коналя, где хранятся реликвии мусульманской секты, известной как Кружащиеся дервиши, я услышал от присевшей неподалеку группы казахских беженцев, что основатель секты шестьсот или семьсот лет назад имел обыкновение надевать поверх панциря кафтан (или специальную рубашку), защищавший его, как предполагалось, от вражеского оружия. К сожалению, кафтан Оспана, если он когда-либо и носил таковой, не обладал тем же свойством. Он, конечно, много лет жил как заговоренный. Но в конце концов коммунисты схватили его – и вот он мертв.

После смерти Оспан-батыра прошло всего пять лет, но легенды о нем уже ходят среди казахов, и мы можем быть уверены, что втайне они пересказываются сегодня во многих казахских домах по ту сторону железного занавеса. Поклонники именуют даже эру его именем, говоря, к примеру, «40-й год Оспан-батыра», как мы произнесли бы «1939-й год от рождения Христова», имея в виду год начала Второй мировой войны. И все-таки некоторые казахи раскритиковали сагу Карамуллы, обвиняя его в том, что он приписал своему бесстрашному герою

ратные подвиги, совершенные в действительности другими. Некоторые из этих подвигов описаны в моем повествовании, и даже если я по ошибке приписал их не тому человеку, есть, тем не менее, достаточно свидетельств, что они на самом деле были совершены. А следовательно, по справедливости принадлежат великому казахскому эпосу, который намного значительнее описания деяний любого конкретного индивидуума, потому что это – история целого народа.

Певец пел свои песни, иногда подыгрывая себе на домбре – длинном деревянном инструменте, похожем, пожалуй, на гитару, но только всего с двумя струнами. Тронутая пальцами такого мастера, как Карамулла, каждая струна домбры, кажется, воспроизводит сразу две ноты, хотя я не могу понять, как это возможно, и эти ноты всегда стойко звучат до следующего щипка струны. Я слышал, как он играл время от времени в Девели, порой очень хорошо, а порой будто равнодушно. Одна коротенькая мелодия, которую наигрывал Карамулла, была особенно очаровательной: одновременно и грустной, и сладкой, и ностальгической. Он сказал, что песня пришла с Алтая, но названия ее не сообщил.

Большинство казахов умеют играть на домбре, и многие из тех, с кем мы встретились в Турции, могли не только спеть, но и сочиняли собственные слова к музыке. Мы записали несколько песен этого типа – новые слова, положенные на традиционную мелодию, насчитывающую много сотен лет. Но гораздо чаще песни были написаны теми, кто пел нам, – это мужчины, подобные Карамулле; две из трех жен Калибека; мальчики и девочки в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет. Кроме того, мы привезли один мотив из Салихли, исполненный на необычном инструменте, известном как сыбызгы. По виду это простая полая трубка с тремя отверстиями. Исполнитель вставлял свой язык в вершину трубы – получалось нечто вроде мундштука, и во время игры звук, идущий из горла музыканта, сопровождался аккомпанементом, напоминающим низкое звучание волынки. Этим непостижимым приспособлением он воспроизвел совершенно прекрасную и самую необыкновенную мелодию, изображающую течение Черного Иртыша, большой реки, которая начинается в Алтайских горах и несет свои воды через широкие степи Советского Казахстана и Сибири, где соединяется с рекой Обь на пути к Арктике.

Насколько я знаю, вся казахская музыка, записанная для нас в Девели и Салихли, совершенно нова для свободного мира, кроме, пожалуй, одной песни, которую российская армия использовала как военный марш.

Одна из тех песен называлась «Полет цапли», ее пели две жены Калибека – Кадиша и Малия. Цапли – роковые птицы у казахов, так что песня была унылой. Песню «Плач» напела нам маленькая девочка лет десяти или около того, оплакивая своего отца, который тогда умер. «Йерим тау» – «Горы моей страны» – ностальгическая композиция, в ней содержатся казахские названия всех любимых вершин Восточного Туркестана. Еще одна песня, спетая Малией в микрофон, называется «Унесённые ветром», но, конечно, она не имеет ничего общего с книгой с тем же названием. Карамулла и несколько его друзей исполнили «Песню школьников», которая начинается словами: «Во имя Бога я даю вам знания». Мелодии песен «Этот меняющийся мир» и «О мир», появились, вероятно, во времена Генриха VIII, но слова были написаны специально для нас. Я должен признать, что скорее сожалею, что казахи так любят писать новые слова на свою традиционную музыку. Без сомнения, это хорошо показывает силу их воображения, но в то же время

означает, что старые баллады, рассказывающие о деяниях героев прошлого, имеют тенденцию забываться и исчезать.

После того как Карамулла напел на магнитофон свою сагу, я попросил его записать песню арабским шрифтом, которым обычно пользуются казахи, и после этого пригласил его с друзьями пообедать. Будь я гостем в его юрте в Алтайских горах, мы все погружали бы пальцы правой руки в блюдо и при этом обжигались, пока не привыкли бы есть по-казахски. Но в Девели все мы пользовались ножами и вилками, и владелец турецкого ресторана приносил нам еду тарелку за тарелкой. Когда трапеза закончилась, Хусейн-тайджи, сидевший на одной стороне стола с Карамуллой, – я был с другой, – начал подшучивать над певцом. Карамулла переносил все молча, очевидно, получая от этого столько же удовольствия, сколько и любой на его месте, пока мы не вынудили его ответить хоть что-то. Тогда он сказал спокойно: «Я заплатил бы ему втрое больше, если бы он одолжил мне свою шляпу». На голове Хусейна-тайджи красовалась «десятигаланная» ковбойская громадина, выглядевшая крайне необычно над его худощавым, монгольского типа лицом, с серо-голубыми глазами и короткой редкой темной бородкой, в которой до сих пор не было видно седых волос, хотя ему перевалило уже за шестьдесят.

Карамулла моложе Хусейна-тайджи по меньшей мере на десять лет. Но, в отличие от друга, он потерял все передние зубы вследствие постигших его лишений. Не сомневаюсь, что настоящее его имя не Карамулла, что значит Черный Священник, а Керим-улла, то есть Щедрость Бога. Получил ли он свое прозвище из-за необыкновенно смуглого цвета лица, или, будучи настоящим муллой, он считался осведомленным в черной магии, я не могу сказать. Но, как искренний мусульманин, он, конечно, не желал бы, чтобы его считали любителем некромантии, хотя некоторые казахские псевдомуллы имели обыкновение использовать ее в практике, подражая в этом, очевидно, монгольским служителям культа, принадлежавшим другой вере и не знавшим подобных сомнений.

Хусейн-тайджи, как мы увидим при ближайшем знакомстве, оставил под нажимом коммунистов свой дом в Баркуле более двадцати лет назад и обосновался возле озера под названием Газколь. Слово это он произносит как «Газкул». Второй слог переводится как «озеро», а первый означает расстояние от кончиков пальцев до предплечья, но также имеет значение «линейка». Так что каждый казах, даже не видя, знает, что Газколь – длинный, узкий, прямой водоем, по форме похожий на линейку. Большинство казахских названий образны и не требуют пояснений для тех, кто понимает язык. Больше всего мне нравится – Долина Щебечущих Птиц. Но у таких названий есть один большой недостаток: они совпадают в разных местностях, удаленных на много миль друг от друга, вызывая путаницу в наши дни быстрых путешествий, хотя для кочевников, обычно вращающихся в пределах небольшой орбиты, это не имело значения.

Когда Хусейн-тайджи жил в юртах в Баркуле и у Гасколя вместе со своими женами, детьми и прислугой, у него был друг по имени Султан-Шариф. Я встретил Султан-Шарифа в то время, когда он все еще находился в «центре гостеприимства» под Стамбулом, где турецкое правительство размещает казахских беженцев до поселения их на постоянное место.

Меня представил ему другой беженец из Восточного Туркестана – Мохаммед Эмин Бугра, который теперь владеет прекрасным собственным домом на азиатской стороне Босфора напротив Стамбула. Мохаммед Эмин – не казах, а уйгур,

они в большинстве своем – фермеры или торговцы, которые живут в Восточном Туркестане дольше казахов и являются намного более многочисленными. Однако отец Мохаммеда Эмина был эмиром или принцем Хотана, и сам он был одно время заместителем председателя провинциального правительства Синьцзяна, как китайцы называют Восточный Туркестан. Ему удалось бежать в Кашмир как раз перед восстановлением коммунистического контроля над правительством провинции в 1949 году. Он знает цену политическим интригам, которые привели к этому и сыграли свою роль в истории казахского сопротивления.

Калибек, Хамза, Карамулла, Хусейн-тайджи, Султан-Шариф и Мохаммед Эмин все еще живы. Остальные – из тех, кто на ведущих ролях принимал участие в борьбе за сохранение Восточного Туркестана, чьи имена и деяния запечатлены в этой книге и в сердцах их соотечественников, почти все без исключения умерли...

Глава 1 РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Рождение и смерть происходят слишком часто внутри казахских войлочных юрт и на всём пространстве, окружающем их, чтобы комментировать эти события или оставлять о них письменные свидетельства. Такова природа вещей, что ягнята, телята, верблюжата и жеребята появляются на свет раз за разом и в установленное время. Дети рождаются так же естественно и почти так же пунктуально, разве только без привязки к определенному времени года. Некоторое время дети, как и молодняк животных, являются объектами особой родительской заботы и внимания. Но в ежедневном пастушеском быте у взрослых очень много дел. Поэтому юнцы все больше и больше предоставляются сами себе и вскоре пускаются в непрерывную череду жизненных испытаний, частые ошибки в которых дают незабываемые уроки и вливают по капле привычку к здоровому и пристальному вниманию к поведению старших.

Таким образом, в казахских юртах счет времени ведется по ежегодным празднествам и постам типа Курбан-айта и Рамадана, но не по таким ничем не примечательным событиям, как дни рождения. Так что не нашлось никого среди казахских беженцев в Турции, кто мог бы сказать мне, в какой день или хотя бы в каком месяце родился Оспан-батыр, хотя все знали год. Его отец и мать давно умерли. Три его брата и сестра, если бы кто-то из них был все еще жив, что маловероятно, тоже не сказали бы, поскольку он был первенцем. Его друзья заявляют, что он никогда не говорил на эту тему о себе, и событие не было занесено в книгу регистрации рождений, поскольку подобных вещей просто не существовало в той отдаленной части Китайской империи. Всё, что мы знаем, – он был рожден в 1899 году, то есть в тот год, когда началась англо-бурская война.

Отец Оспана, Ислам-бай, был не только пастухом и животноводом, но также «сухим» (богарным) земледельцем и жил в Коктогайском уезде Алтая недалеко от того места, где сходились границы русского, китайского и монгольского влияния. Пока урожай зрел, Ислам-бай, не привязанный к своему участку необходимостью полива, был свободен в передвижениях – в отличие от «поливных» земледельцев на равнинах, которые должны были следить за орошением полей.

Каждую весну Ислам-бай разбрасывал зерна пшеницы по участку земли, предварительно процарапав ее поверхность плугом с железным наконечником, используя в качестве тягловой силы собственный скот. Затем он поднимался с семьей, войлочными юртами, мелким и крупным скотом и прислугой на альпийские пастбища Алтая, предоставляя семена ветрам, дождю, солнцу и Божьей воле, чтобы пшеница дала всходы, а затем выросла и созрела ко времени, когда он возвратится посмотреть, что можно собрать.

В 1899 году он и его жены, одна из них беременная, установили свои юрты, как обычно, в Алтайских горах, как проделывал нечто подобное Авраам на холмах, которые впоследствии стали Иудеей. Мы не знаем точно, где была их стоянка, возможно, в Тогузтарау – долине Девятизубого гребня – месте, куда по расщелинам среди высоких холмов стекают ручьи, орошая ледяной водой алтайских вершин широкие долины со смешанным лесом и пастбищами, где и размещалось каждое лето кочевье Ислам-бая, насчитывающее около ста семей.

В Восточном Туркестане встречается немало долин, которые называются Тогузтарау, так же, как много озер с названием Коксу – Синее озеро и рек Кызыл Узень – Красная река. Есть перевал Почтенного ветра, который китайцы называют Лаофэнкоу. Через этот перевал проходит одна из трех главных дорог от Советского Казахстана до Урумчи, столицы китайской провинции Синьцзян. Во времена первого просоветского губернатора провинции, Цзинь Шучжэня, грузовик, везший китайских солдат, сломался на перевале, а пока шофер пытался найти поломку, Почтенный ветер замел машину снегом, и солдаты в грузовике обледелели насмерть. Тела оставались на месте до тех пор, пока снег не растаял несколько месяцев спустя. Легенды гласят, что Почтенный ветер на перевале проделывал и худшие вещи, чем эта, и утверждают, что он способен сдуть целый караван в озеро, лежащее внизу...

Наконец для жены Ислам-бая настало время разрешиться от бремени. Когда начались схватки, она отправила нарочного к матери, и та примчалась со своей стоянки в соседней долине и принялась за дело. Натянув веревку поперек юрты Ислам-бая, которую она называла «аулом», женщина велела дочери встать на колени, перекинув руки через веревку до подмышек, а затем расслабиться и давить вперед толчками. Когда схватки усилились, мать принесла сосуд из овечьей шкуры и заставила дочь сильно дуть в него при каждом движении вперед. Увидев, что время подошло, мать попросила Ислам-бая дать ей несколько кусков грубого войлока и подостлала их под колени дочери. После этого мать сказала Ислам-баю, что он больше не нужен и что она позовет его в юрту, когда ребенок родится.

Поэтому Ислам-бай ждал снаружи, когда раздастся пронзительный крик младенца, смешиваясь с бормотанием северного ветра в кронах деревьев, утопая в журчании ручья, переговаривающегося с галькой, и наконец увядая в блеянии, мычании и звоне колокольчиков на его животных. Услышав крик, Ислам-бай поднял полог юрты. Перед входом он поочередно постучал пяткой каждой ноги о носок другой, чтобы не испачкать ковер в жилище. Входя, низко склонился и, чтобы не накликасть неудачу на свое семейство, коснулся деревянной рамы и, по той же причине, шагнул широко и высоко, чтобы не споткнуться о порог.

В юрте Ислам-бай взглянул вопросительно на тещу, которая кивнула головой в ответ, дескать, все хорошо. Потом он обратился к жене: «Как назовем ребенка? Оставим решение Богу и назовем его в честь первого живого существа, кем бы

оно ни было, которого увидят мои глаза, когда я выйду из юрты? Или сами выберем имя ему из Священного Корана?»

Жена Ислам-бая знала, что ответить, потому что они загодя обсуждали этот вопрос. Она выбрала последний вариант, и ребенка нарекли Оспаном. Второе имя, под которым он стал известен землякам, Оспан получил при шумном одобрении собрания в 1942 году во время вручения медали Освобождения. Однако уже в детстве мать имела обыкновение брать его на руки, если он упал и ушибся и приговаривать: «Ну-ну! Вот досада! Батыр! Батыр! Не кричи! Будь героем!»

Как только сын получил имя, Ислам-бай, в соответствии с традицией, вышел из юрты и заколол овцу. Сначала отдал внутренности теще, которая сварила из них густой отвар на молоке, чтобы напитать тело дочери и заполнить ее груди молоком. Затем он освежевал тушу, а теща, разрезав ее на части, поставила варить в большом железном котле на очаге в центре юрты. Пока молодая мама не съест все мясо, единственной ее обязанностью в юрте будет нянчить свое дитя.

После того как бабушка обмыла новорожденного теплой водой из большого медного чайника, подогретого рядом с кипящим котлом на железной треноге, она обсушила его хлопковой тканью, облачила крохотное тельце в цельнокроенную одежду из стеганного ватой хлопка с широким разрезом сзади и уложила малыша в деревянную колыбельку, выстланную кусками мягкого войлока, которые потом будут либо мыть, либо сжигать. Маленький Оспан постоянно, за исключением времени кормления, лежал в своей качающейся колыбельке, пока не подрос настолько, чтобы научиться ползать. И даже после этого, укладывая в кровать, его руки всегда притягивали к бокам. Если бы вы спросили его мать, почему она не хочет, чтобы ребенок сосал свой большой палец или лежал, закинув руки за голову, она бы с некоторым сожалением ответила, что всем хорошо известно, что ребенок спит спокойнее, когда его руки вытянуты вдоль тела, а закидывание рук к голове может вызвать судороги. И если бы вы предположили, что ему понравилось бы что-то вроде соски, она бы по-настоящему ужаснулась.

Права была она или неправа в подобных вещах, но Оспан рос и развивался. Молока у матери было в изобилии, так что не требовалось для подкормки прикладывать малыша к вымени козочки. Мать кормила его грудью больше двух лет, веря, хотя и ошибочно, как оказалось, что не забеременеет снова, пока делает это. Едва сквозь десны ребенка показались первые зубы, она дала ему баранью кость, чтобы грыз, и у него в ручке была корка хлеба с того момента, как он смог удержать ее. Став старше, он начал пить коровье и козье молоко из своей чашки, а мать придерживала ее возле губ малыша, сидящего у нее на коленях. Иногда мать, а чаще отец давали ему кусочек сахара, отколотый ножом от большой конусообразной сахарной головы, купленной Ислам-баем у странствующего китайского торговца, но привезенной на самом деле из царской России.

Когда Оспан начал ползать, его предоставляли самому себе так же, как и в тот период, когда он еще лежал в колыбели. Мать, выполняя свою долю хозяйственных домашних работ, была слишком занята, чтобы присматривать за ним, отец же проводил большую часть дней на свежем воздухе, в основном с животными, а порой охотился с дробовиком или, чаще, особенно зимой, с орлом. Иногда уходил на два или три дня. И Оспан, подобно всем казахским детям, приучался избегать наилучшим для себя образом внутренних и внешних опасностей и травм. Возможно, родители верили, что амулет, который мулла надел ему на шею, едва

он родился, охранит его. В этом амулете, сделанном из двух кусочков ткани, сшитых вместе, были заключены его имя и стих из Корана. Он прикреплялся к веревочке, и Оспан носил его всю жизнь. По обычаю, амулет захоронили бы вместе с Оспаном, но коммунисты, убившие его, отделили голову от тела и не предали земле ни то, ни другое.

Когда Оспан учился стоять на ногах и ходить, наибольшую опасность для него представлял открытый огонь, непрерывно горевший посередине юрты, и железный котел или чайник над огнем. Если бы от неустойчивости он покачнулся возле треноги или, стремясь уберечься от падения, схватился за сосуд на огне, он, возможно, ошпарился бы и обгорел, даже до смерти, что и случилось на самом деле с некоторыми другими детьми стоянки Ислам-бая. Но его что-то оберегало – амулет или провидение, только не родители, которые были слишком заняты.

К другой предосторожности прибегла мать Оспана, как только он смог выходить из юрты: она засовывала ему за пазуху корку хлеба, чтобы он не умер от голода, если заблудится за пределами стоянки и не сможет найти дорогу обратно. По той же самой причине его сестре привязывали мешочек, наполненный поджаренным зерном. Даже нынче в Турции казахские матери соблюдают эту древнюю привычку. Жареное зерно было неприкосновенным запасом кочевников по крайней мере с тех дней, когда Иисус послал Давиду ефу¹ сушеных зерен для его трех братьев, которые сражались в армии Саула против филистимлян, и десять сыров для тысяченачальника.

Первое, что сделал Оспан, как только смог, ковыляя, выбраться из материнской юрты, это подружился с собаками, которые спали под навесом и предупреждали о приближении посторонних. Я думаю, отец и мать остановили бы его, если бы заметили это. Собаки, согласно мусульманской традиции, существа нечистые, не зря в той части мира бесчисленные поколения рассматривали их как единственных уборщиков стоянок от отбросов и нечистот. Но родителям Оспана приходилось делать свою работу, и потому они обычно не видели, что собаки, накопавшись в отбросах, подходили и облизывали лицо Оспана, тянувшегося к ним руками.

Скоро Оспан стал отходить от жилья всё дальше – туда, где стояли на привязи несколько ягнят и овец его отца. Иногда он приходил просто поиграть с ними. А иногда родители посылали его дать им корму. И вот он уже начал взбираться на спины животных. Если падал, то смеялся или плакал – и карабкался снова.

Однако прежде чем Оспан смог проделывать вещи, подобные этой, лето пошло на убыль, и для Ислам-бая настало время покинуть долину Девятизубого гребня, чтобы увидеть, поспособствовал ли Бог благополучному росту его посевов в пойме Черного Иртыша за время отсутствия сеятеля. В хороший год Ислам-бай мог собрать стократный или больше урожай низкорослой алтайской пшеницы, высота сухого стебля которой редко превышает один фут. В плохом году ему приходилось продавать скотину на рынке и покупать зерно в городах у мельников. Им же он мог отдавать это зерно, чтобы превратить в муку, если только он сам не владел одной из редких водяных мельниц, что были установлены казахами в некоторых местах.

¹ Ефа – библейская мера емкости, соответствующая 432 яйцам, или нынешним 40 литрам. – Прим. пер.

Полагаю, подогреваемые страстным желанием увидеть, насколько Бог обеспечил тот первый год жизни Оспан-батыра, Ислам-бай, его жены и их прислуга быстро разобрали войлочные юрты, развязав узлы на тканых лентах, которыми войлок туго притягивался к решеткам деревянного остова. Затем вынули верхние жерди из пазов решеток снизу и круглых рам, удерживающих жерди вместе, сложили и обмотали войлоком решетки толщиной в половину дюйма, связав лентами аккуратные тюки. Женщины удостоверились, что большие оправленные металлом деревянные сундуки, в которых семьи кочевников перевозят постельные принадлежности, ковры, обрядовую одежду, документы и книги, в том числе и копию Корана, надежно закреплены и упакованы насколько возможно плотно на случай, если окажутся в воде, когда животные, переносящие их, будут переходить поток. Котел, весивший в лучшем случае сто пятьдесят фунтов, навьючили на верблюда, которого сам Ислам-бай тщательно выбрал как самого пригодного, чтобы поднять такую ношу. Наконец, колыбель вместе с Оспаном закрепили между горбами другого верблюда, хотя порой мать сама несла сына в тканевой перевязи на своей груди.

Остальное имущество семьи распределили между другими животными: верблюдами, крупным рогатым скотом, овцами, козлами и лошадьми – каждое загрузили согласно с его силой. Когда все было сделано – в целом требуется около часа, чтобы полностью собраться и сняться со стоянки, притом без всякой спешки, – Ислам-бай, его жены и прислуга сели на верховых лошадей, и кавалькада тронулась. Сколько человек из других семейств сопровождали группу Ислам-бая, я не могу сказать; во всяком случае, ни одного из тех, кто не являлся «сухим» сеятелем, не было. Общее занятие побуждало их оставаться вместе в долине Девятизубого гребня до тех пор, пока ветры поздней осени и ранние предвестники мороза и снега не подскажут, что пришла пора следовать за Ислам-баем к зимовкам.

Разумеется, часть последователей Ислам-бая и прислуги задержалась на предгорных пастбищах, чтобы заботиться об оставленных животных. Когда же пастухи в назначенное время пригнали их вниз, Ислам-бай, следуя древнему казахскому обычаю, не стал пересчитывать животных, а вместо этого спросил:

– Где черная овца с белым носом? А светло-рыжая корова с загнутым вверх правым рогом? И непоседливая пятнистая коза с колокольчиком?

На что работник отвечал:

– Овцу задрал волк. Корова угодила левым копытом в расселину между скалами и сломала кость, так что пришлось прирезать ее. А пестрая коза оказалась несносным животным, поэтому, когда понадобилось мясо, мы закололи ее.

Если Ислам-бай верил работнику, он отвечал: «На то Божья воля!» Если нет, то говорил: «Вернемся к этому позже», – в этом случае могла возникнуть и перебранка, и потасовка, и, возможно, ссора привела бы их в конце концов к кази – судье.

Когда Оспан подростом, его передвижения стали смелее. Игрушек у него было мало, а может быть, и не было вовсе, кроме ножа, бывшего намного важнее игрушек. Скоро он скакал верхом на палке вокруг аула. Иногда обхватывал руками приятеля за пояс, и они скакали вместе. Такие игры обычно заканчивались борьбой – наполовину забавой, наполовину пробой сил и навыков, с помощью которой мальчики устанавливали свои взаимоотношения. Оспан, чей отец был

жузбасы – предводителем ста семейств, обладал также определенным положением на основании родословной. Но натура Оспана, особенно в подростковом возрасте, требовала подчинения и уважения к себе в силу собственных индивидуальных качеств. Это говорит о том, что уже в ранней юности он был личностью исключительной.

Подобно всем казахским детям, Оспан рос в суровых условиях. В юрте отца, где он ел и проводил много времени (спал он в юрте матери), он имел право лишь слушать и повиноваться немедленно, едва отец приказывал ему что-то. Если он иногда забывался в возбуждении и позволял себе вступить в разговор, когда его не спрашивали, отец мог достать его плеткой, которая обычно висела вместе с семейными уздечками и седлами по левую сторону от входа в юрту.

Чаще, однако, он призывал мать мальчика и говорил: «Женщина! Сдается мне, что в то время, когда я пас свои стада, примерно за девять месяцев до того, как был рожден этот твой сын, какая-то свинья или, может, собака кружила вокруг моей юрты. Иначе откуда могли взяться его грубые замашки говорить, не получив на то разрешения?»

В таких случаях Оспан ложился спать без ужина, как и те маленькие мальчики, что почти пятьдесят лет назад жили в кирпичных домах, а не войлочных юртах, и спали на железных кроватях с матрацами, а не на стеганых одеялах, постланных в три-четыре слоя практически на голую землю рядом с выходом на улицу.

Надо сказать, что, несмотря на подобные наказания, Оспан любил и уважал своего отца, который обучил его многому, когда они ездили или ходили вместе по горам. Там Оспан мог свободно задать любой вопрос, какой ему хотелось. Большая часть вопросов, естественно, была о животных. Мальчик быстро научился распознавать все виды диких зверей, с которыми казахи делили свободную землю, как наши предки делили между собой деревенскую общинную землю до того, как она стала частной собственностью.

Когда Оспану исполнилось девять, или семь, или пять (мы знаем наверняка, что не восемь, не шесть и не четыре), пригласили муллу – сделать обрезание. Затем устроили большое торжество, чтобы отпраздновать прохождение этой первой вехи в жизни мальчика.

Другая веха была достигнута, когда Оспану исполнилось восемь, – отец послал его в казахскую школьную юрту. Как и юрту, где жил Оспан, школьную называли просто «Аул» (Aool). Поэтому, чтобы отличать одно от другого, я буду обозначать школьную юрту словом с заглавной буквы А, хотя никаких заглавных в арабском письме, которым казахи обычно пользовались, нет.

Обучение в школьной юрте, которую посещал Оспан, было обычным общинным делом для кочевья, возглавляемого Ислам-баем. В «Ауле» не было никакой обстановки, кроме нескольких циновок на земле и необходимого минимума оборудования. Почти каждое казахское кочевье имело подобную юрту, чтобы детям не пришлось ходить в школу на китайском содержании, где преподавание велось на китайском языке, а преподаватели не были мусульманами. Такую позицию занимали не только казахи, но и все другие национальные группы в Восточном Туркестане: тюрки, монголы, киргизы, татары, узбеки – кого казахи, как правило, сторонились, особенно в начале двадцатого столетия.

Итак, в возрасте восьми лет Оспан пошел в «Аул», где обрезавший его мулла, совмещавший должности священнослужителя и учителя, учил его сначала по-

вторять наизусть стихи из Корана на арабском языке, а затем понимать, читать и записывать их. Позже дети изучали другие вещи: историю Чингисхана и Аттилы и более современных казахских героев, таких как Бокто-батыр, который был еще жив. Затем была арифметика, география и важнейшее из всех – как сочинять стихи и декламировать вслух по памяти. Многие старинные песни и поэмы, в которых отражалась история народа, содержали неисчислимое количество строк, и Оспан и его приятели-ученики имели обыкновение повторять их вечером в юртах, сменяя друг друга, в то время как родители слушали, возможно, подсказывая, и, наконец, одобряли того, кто был способен читать дольше всех. Девочки часто запоминали лучше, чем мальчики, но Оспан почти всегда запоминал не хуже девочек.

Почти с самого начала занятий дети учились придумывать свои собственные слова на старые, любимые казахами мелодии. Новые стихи всегда содержат множество намеков на предыдущие, а также на обычаи прошлых веков, что делает их трудными для понимания. Но когда я слушал в Турции казахских юношей и девушек, певших песни со своими словами, я задавался вопросом, как бы справились наши мальчики и девочки, если бы их попросили сделать то же самое, скажем, на елизаветинскую музыку, да и вообще на любую музыку, если уж на то пошло.

Одной из первых песен, которую Оспан и его товарищи выучили, была «Песня школьников», в которой ученики заявляют:

«С именем Бога приветствуем вас, о учитель.

В вашем учении не найти ни одного неверного слова,

Ни одного неверного слова в устах ваших учеников».

Мулла, обучавший Оспана, был строгим наставником, однако и Оспан был прилежным учеником. Вскоре уже спеть песню и сочинить стихи, так же как и ездить верхом на лошади, он мог лучше, чем кто-либо – взрослый или юный – в небольшой группе семейств, по своей воле признавших главенство Ислам-бая. Его известность в этом смысле распространилась по другим казахским общинам на Алтае благодаря странствующим певцам вроде Карамуллы и частым гостям, которых радушно принимал Ислам-бай. Оспана по всему региону стали называть «одухотворенным» мальчиком. Это, заметим, необычный эпитет в устах обитателей юрт, занятых всю жизнь скотоводством, не знавших метафизики и не интересовавшихся ею, исключая разве что только их врожденную и невысказываемую решимость сохранять свой традиционный образ жизни, имеющий метафизическую основу. Однако это определение, «одухотворенный», использовалось почти всеми бывшими товарищами Оспана в Турции. Я думаю, что они, называя так Оспана, имели в виду его любовь к казахскому образу жизни, его почтительную преданность родителям, его заботу о защите собственной семьи и тех, кто зависел от него, а также его способность вселять в своих последователей уверенность. Возможно, что они включали в это понятие и беспощадную ненависть, которую он испытывал к врагам своего народа: первую по времени – к китайцам, но первую по силе – к коммунистам, китайским или русским, которые не просто выдаивали их, словно коров или овец, как это делали китайские националисты, но стремились убить саму идентичность казахов.

Однако в юные годы Оспан ненавидел только китайцев, потому что тогда не было еще никаких коммунистов. Он с горячим интересом и пылким волнением слушал рассказы о казахских героях, которые сражались с китайцами в прошлом

и, как водится в патриотических песнях и историях, побеждали их. Я уверен, что Оспан лелеял мечту превзойти этих героев.

Однажды, когда Оспану было одиннадцать или двенадцать, у юрты его отца возникла какая-то суматоха, и один из младших братьев Оспана, зная, что на этот раз может безнаказанно помешать старшим, ворвался к ним с криком: «Боко-батыр приехал! Боко-батыр приехал!»

– Как узнал ты, непоседа, что это Боко-батыр, если никогда прежде не видел его? – спросил Ислам-бай.

– Это его конь! Тот самый, о котором нам рассказывали, – вороной без единого белого волоска. И тымак на голове у всадника такой, какой носит Боко-батыр, – сливового цвета, с перьями филина, как у кереев. И вооруженные всадники едут позади него. Разве есть кто-то еще, кроме Боко-батыра, кто мог бы прибыть так?

Сторожевые псы возле юрты громко лаяли все то время, пока Ислам-бай вставал с постели, а его жены торопливо искали в окованных железом деревянных сундуках церемониальный тымак для мужа и свои украшенные вышивкой парчовые платья и лучшие головные уборы.

Одевшись соответствующим образом, Ислам-бай шагнул к порогу и, широко распахнув двери, произнес:

– Входи, о долгожданный! Твой приезд делает нас сильнее.

И стоял так в ожидании, пока Боко-батыр спешивался.

Глава 2 ОСПАН ПОКИДАЕТ ДОМ

Когда гость входил в казахскую юрту сорок лет назад, до того, как коммунисты решили, что прошлое пригодно только на слом, ему всегда оказывался традиционный прием, который оставался тогда почти таким же, как в прежние дни, до начала истории, и точно таким, каким был с начала исламизации казахов между одиннадцатым и четырнадцатым столетиями. Поэтому, хотя нет никаких подлинных записей о приеме Боко-батыра в юрте Ислам-бая, мы без труда можем восстановить картину.

– Салам алейкум – мир вам, – сказал Боко-батыр при входе в юрту.

Он наклонился в дверях, осторожно, стараясь не коснуться, перешагнул порог и, следя за тем, чтобы его длинное одеяние не задело дверных косяков, ступил внутрь. Затем, постучав одной ногой о другую, он снял калоши и оставил их перед входом в главную часть юрты.

– И вам мир, – ответил Ислам-бай, принимая протянутую руку Боко-батыра сначала в правую руку, а затем в обе.

Прежде чем пройти дальше, мужчины, коснувшись пальцами лба и губ, приложили ладони правой руки к груди. И только когда хозяин и гость обменялись всеми положенными шестнадцатью приветствиями между собой, а также с каждым из присутствующих мужчин, все опустились на корточки вокруг огня в строгом соответствии со старшинством, сложили руки ладонями вверх и пробормотали молитву из Корана. В заключение все вместе повторили слова: «Аллаху Акбар! – Велик Аллах!» Проговорив это, они подняли руки широким движением, закончив его поглаживанием бород.

– Присутствие такого гостя придает нам бесстрашия, – заметил Ислам-бай по окончании церемонии приветствия. – Вот чертёнок, – продолжал он другим тоном, поворачиваясь к Оспану, стоявшему точно позади него. – У мальчишки никаких манер, иначе он знал бы, что сын должен приветствовать гостей отца подобающим образом.

Оспан на самом деле хорошо знал это. Знал он и то, что отцовский упрек – не более чем фигура речи. Мальчик шагнул вперед довольно робко – все-таки Боко-батыр был личностью известной, и о его делах он слышал едва ли не каждый день с тех пор, как стал понимать, о чем говорят вокруг. Тем не менее он не мигая смотрел в глаза Боко-батыра и приветствовал гостя так же, как отец, хотя, когда он произнес: «Аллаху Акбар!» – голос его был уже почти не слышен.

– Это наверняка тот самый парень, о котором говорят в юртах моих друзей, – сказал Боко-батыр, удерживая левую руку Оспана и выводя его вперед, чтобы получше рассмотреть. – Слышал я, что он силен и мудр не по годам и что ему предстоит большое будущее.

– Мальчишка – глуп еще, – ответил отец. – Никчемный бездельник и шалопай. Беги, дурачок, присмотри за конем нашего гостя.

– Разве такой гость не гораздо более важен, чем его конь? – смело возразил Оспан. – Можно мне остаться и убедиться, что хозяин жеребца ни в чем не нуждается?

– О жизнь моя! – громыхнул Боко-батыр. – Слышали, что сказал этот паренёк? Вай! Вай! А ведь он пока даже и не юноша!

– Гости – забота отцов, – заявил Ислам-бай. – А у мальцов вроде этого нахала работа поскромнее. И они должны делать то, что им велят.

Оспан, понимая, что под нарочитой бранью отца скрыто одобрение, и будучи польщен восклицанием Боко-батыра, выбежал из юрты, чтобы позаботиться о большом вороном жеребце.

Он увидел, что один из конюхов Боко-батыра водит жеребца туда и сюда, как это принято у казахов, когда ноги коня перенапряжены после длительной поездки. Оспан взял поводья у слуги и бесстрашно вскочил в седло.

– Ва япрамай! – воскликнул конюх, стоявший поблизости. – Это чудо! Хозяйский зверь не сбросил его. Никогда прежде я не видел, чтобы на нем сидел другой всадник! Воистину пареньку суждено быть предводителем мужчин, как и наездником гордых скакунов.

Услыхав это восклицание, Боко-батыр подошел к дверному проему юрты.

– Ах-ха! – вскрикнул он. – Ты, значит, захотел проехаться на моем коне? Смелчак, однако!

– Я думал остудить его, перед тем как напоить и задать корма, – сказал Оспан робко.

– Хорошо, что он не укусил тебя за задницу, когда ты коснулся ногой стремени, – засмеялся Боко-батыр. – А что он не сделал так – знак того, что я правильно поступил, прибыв сюда.

– Можно, я верхом отведу его на водопой и накормлю? – спросил Оспан чуть смелее.

– Конечно, нет, – ответил Боко-батыр громко, мельком глянув назад, возможно, чтобы удостовериться, что хозяин юрты слышит его. – Не надо ни поить его, ни кормить, потому что я должен отбыть до ночи.

– Нет! Нет! – испуганно возразил Ислам-бай. – Такой скорый отъезд – бесчестие моему гостеприимству... Жена! – крикнул он через плечо. – Неси быстрее чай и хлеб! Наш гость огорчен задержкой. Неси, говорю, чтобы не быть опозоренными его отъездом.

Байбише, старшая жена Ислам-бая, принесла медные чаши, наполненные соленым чаем, и ломти традиционного соленого хлеба, сложенные в завязанную на четырех углах ткань, наподобие той, в которую сыпали корм для всех видов животных и которую видел Петр в ниспосланном ему с Небес видении. Боко-батыр позволил увести себя обратно в юрту, где снова сел на свое почетное место и приготовился есть, возражая, что не заслуживает этого. Однако принял чашу чая из рук жены Ислам-бая и пил, шумно всасывая жидкость через зубы и между глотками размачивая куски твердого хлеба, перед тем как положить их в рот.

– Могу ли я теперь отправить Оспана напоить и накормить жеребца? – спросил Ислам-бай, когда Боко-батыр преломил хлеб и напился чаю, как и положено по обычаю. – Так уж заведено, что коня, закончившего дневную работу, надо напоить и затем накормить, чтобы силы его вернулись для трудов грядущего дня.

– Щедрость такого хозяина – выше всяких похвал, – пробормотал Боко-батыр.

– И если это удобно, осмотрим стадо и выберем животное для заклания, чтобы мои женщины приготовили ужин, – продолжал Ислам-бай.

– Не нужно закалывать животное для этого странника, – возразил Боко-батыр. – Разве я не говорил, что еще до сумерек должен быть далеко отсюда?

– А я разве не отвечал, что столь скорый отъезд будет постыдным для моего гостеприимства? – напомнил Ислам-бай. – К тому же известно, что конь не должен работать после того, как будет напоен и накормлен.

– Ввергнуть в стыд такого хозяина – это значит оскорбить себя, – заявил Боко-батыр, игнорируя замечание о коне. – Поступим поэтому так, как угодно хозяину.

– Мальчик! – крикнул Ислам-бай, шагнув к выходу из юрты. – Напои вороного жеребца и задай корма – этой ночью его хозяин останется здесь. Зерно достань из мешка, но сначала отведи коня к реке, чтобы он напился свежей воды. И пока жеребца поят и кормят, отберите годовалых ягнят и принесите к юрте, чтобы гость выбрал, что он будет есть этой ночью.

И Оспан направил вороного жеребца к реке, гордо восседая на нем, вместо того чтобы вести в поводу, как велел отец. А слуги Боко-батыра только удивлялись, потому что конь никогда не позволял им взбираться на себя. Да они не отваживались и пробовать. Никто прежде не бывал на спине этого жеребца, только Боко-батыр.

Но вернемся в юрту, где теперь оставался только Боко-батыр без своей свиты, и партизанский вожак по-прежнему протестовал.

– Ва япрамай! – энергично заявлял он. – Ни одно животное не должно быть умерщвлено ради меня. Разве я и мой телохранитель не наелись, прежде чем покинуть свой аул сегодня на рассвете, чтобы посетить юрту моего друга?

– Пища – для еды, – упорствовал Ислам-бай. – И живот для наполнения. Тот, кто не заполняет желудок, когда есть возможность, голодает сильнее в дни, когда должен поститься.

– Все же недостойно для гостя причинять излишние хлопоты домочадцам хозяина, – отвечал Боко-батыр.

– Лучше такие хлопоты, – вставила старшая жена Ислам-бая, – намного лучше, чем слезы, которые мы, женщины, пролили бы, если бы такой гость ушел с пустым желудком или даже наполненным недостойной его пищей.

В конце концов Боко-батыр позволил подвести себя к дверям юрты, из-за которой доносилось многоголосое блеяние, свидетельствуя о том, что годовалые ягнята уже собраны.

– Выбор за гостем, – объявил Ислам-бай. – Но Хатанум, моя жена, верно сказала. Если гость по скромности выберет недостойное его или хозяина животное, то хозяин должен держать свои глаза закрытыми, пока не будет сделан лучший выбор.

– С таким хозяином, – сказал Боко-батыр не без удовольствия, – что может гость, кроме как выбрать лучший цветок из стада?

Сказав так, он положил руку на голову хорошо откормленного ягненка, которого тут же увели, чтобы заколоть и приготовить ужин.

– Выбери для тех, кто прибыл с тобой, – сказал Ислам-бай.

Сопровождающих насчитывалось двадцать человек, и Боко-батыр положил руку на трех овец, но когда Ислам-бай возразил, что этого недостаточно, коснулся еще трех животных. И к концу дня мало что осталось от всех шести, поскольку казахи – отменные едоки.

По устоявшимся законам гостеприимства, соблюдаемым обеими сторонами, Ислам-бай ввел гостя назад в юрту, и оба мужчины опять уселись рядом напротив двери на подушках, брошенных поверх домотканых, вручную окрашенных ярких ковров, в то время как женщины разрезали на куски мясо и поместили часть за частью в большой кипящий котел, отложив головы, чтобы испечь и съесть с рисом после того, как справятся с тушей животного. Некоторое время спустя в юрту тихонько вошел Оспан, выполнив поручение позаботиться о жеребце. Он сел насколько возможно скромно возле дверей, по другую сторону от очага, напротив старших, но там, где мог видеть и слышать их, не привлекая к себе внимания. Но не успел сесть, как понял вдруг, что именно он является предметом их беседы.

– Вон мальчик у двери юрты, – услышал он голос Боко-батыра. – Я бы поучился воспитанности у парня вроде него.

– Он чем дальше, тем глупее, – ответил отец Оспана. – Немногие в этой долине превосходят его в неосмотрительности, будь то трюки верхом на лошади – то он над седлом, то ныряет под животом лошади и снова оказывается в седле, забравшись с другой стороны, и все это на полном скаку; или плавание поперек стремнины в половодье; или сочинение нелепых стишков за спиной муллы в «Ауле».

– Вай! Вай! Все это действительно безрассудство, – смеялся Боко-батыр. – Много я видел таких, кто может подняться из-под брюха лошади в полном галопе, и других, кто может схватить с земли взрослую овцу, проезжая мимо нее, и много тех, кто плавает, и тех, кто пишет стихи. Однако мало кто может делать все это хорошо... Подойди сюда, Оспан, и сядь рядом со мной. А теперь скажи, что еще ты можешь делать? Можешь ли стрелять из ружья? Можешь ли срубить овечью голову одним ударом сабли? Сколько колец ты можешь различить вокруг Сатурна или лун, кружащихся возле Юпитера?... Нет, друг, – заключил он, видя,

что Ислам-бай собрался отвечать. – Позволь парню самому сказать за себя. Тогда я узнаю, являются ли правдой сказки, которые я слышал о нем.

– Такие вещи лучше делать, чем говорить о них, – ответил Оспан. – А как мальчик может проделать их, пока у него нет хорошего учителя?

– О Аллах! Даже перед лицом его отца и им самим я скажу, что такой, как он, больше никогда не родится. Молва на этот раз оказалась верной. Я скажу больше по этому поводу, но после того, как поедим.

Быть может, рискованно вкладывать такие слова в уста Боко-батыра на ранней стадии его знакомства с Оспаном. Но, думаю, это не очень большое преувеличение, если судить по его поздним записям об Оспане. Мы также не знаем в точности, при каком из посещений Ислам-бая Боко-батыр сделал то предложение, о котором речь пойдет дальше, хотя совершенно уверены, что он сделал его.

Ясно одно: никак не в казахских обычаях говорить о важных вещах перед обедом, так что после того как Боко-батыр сказал, что собирается поговорить о чем-то серьезном, беседа перетекла на более легкие темы, и Оспан, понимая, что он больше не нужен, молча отполз к своему скромному месту у двери. Там он сидел, пытаясь внимательно слушать, в то время как старшие, игнорируя его полностью, говорили о своих стадах, охоте, предстоящей уборке урожая, занятиях своих последователей, новостях о беспокойном внешнем мире, который начал теснить их. Эта последняя тема неизбежно перевела разговор на китайцев.

– Это правда, что китайцы назначили цену за голову Боко-батыра? – спросил Ислам-бай, стараясь не смотреть в глаза гостя.

– Да, я тоже слышал об этом, – ответил Боко-батыр небрежно. – Если это правда, то хорошо. Находящиеся под угрозой всегда живут долго.

– И сколько?

– Я слышал, десять тысяч лан¹.

Это равнялось приблизительно 2 500 английских фунтов по курсу 1911 года, когда коня в Восточном Туркестане можно было купить всего за десять лан.

– Большие деньги... А он не боится, что кто-то предаст его за такую огромную сумму?

Боко-батыр рассмеялся.

– Мои люди не станут, нет. Они знают, что китайцы дадут деньги в их руки, как бы выполняя обещание, но затем накинута веревка на шею, прежде чем донесший на Боко-батыра дойдет до двери. И никто другой, мужчина или женщина, не получит возможности заработать эти кровавые деньги, а если и возьмет их, то не посмеет воспользоваться ими.

– Многие ли знают, где он проведет эту ночь?

Боко-батыр внимательно посмотрел вокруг, прежде чем ответить, понизив голос:

– Только те, кто видел, как он вошел в юрту брата по крови.

– Ш-ш-ш! Тише! – Ислам-бай тоже огляделся. – Это будет дурной день для нас обоих, если соглядатай услышит, что мы говорим о связывающей нас двоих тайне, которая известна еще только мулле, смешавшем нашу кровь в чаше, когда мы поклялись друг другу.

¹ Лан (liang), английское название tael – таэль, денежная единица в Китае начала XX века. Стоимость около 2,22 серебряного рубля.

– Есть некто, о ком я хотел бы узнать получше. Объясню позже, почему.

– Кто же это?

– Парень у дверей юрты, который напрягает оба уха, чтобы услышать нас. Но не будем говорить об этом, пока не поедим. Когда желудок будет полон, сердце будет довольным. Тогда и наступит время сказать друг другу все, что лежит на сердце. Слова всегда звучат громко и кичливо, когда внутри слишком много места, они словно выдуваются с ветром из желудка...

Наша история снова вышла за пределы действительных фактов. Впрочем, маловероятно, чтобы кто-то с полной определенностью зафиксировал самые сокровенные взаимоотношения двух людей, – если бы такое случилось, то достоверность была бы разрушена. Мы же можем только сказать, что Боко-батыр и Ислам-бай были настолько привязаны друг к другу, что это не объяснишь иначе, чем братством по крови. И совсем уж необъяснимым было бы отношение Боко-батыра к Оспану, не будь он в таких отношениях с его отцом.

Подобное братство – самая близкая связь двух человек в понимании казахов: ближе, чем у рожденных из одного и того же лона; много ближе, чем супружество, которое, согласно исламскому закону, может быть расторгнуто, если мужчина или женщина трижды произнесет в присутствии посторонних три простых слова: я развожусь с тобой. Это настоящая близость, и она очень похожа на привязанность души Ионафана к душе Давида, потому что Ионафан любил Давида как свою собственную душу, – это тройная связь, соединяющая в служении друг другу тела и души, поскольку казахи, будучи мусульманами, верят, что встретятся в раю, когда их тела умрут, и в конце концов Бог, даровавший им частички Своего Духа, соединит их вместе, когда они, согласно мусульманской вере, после смерти возвратятся к Богу.

Так что перед нашим взором предстает такая картина: двое мужчин – братья по крови примолкли, пока женщины готовили пищу, дав им возможность мысленно унести назад, к временам их юности, когда мулла принес чашу, сделал надрезы на их запястьях и предложил повторить вслед за ним слова клятвы. Молодой петушок, привязанный кожаным ремешком за горло, звонко кричал, но это не мешало тому, что делали эти два юноши, и никто за пределами юрты ни о чем не догадывался, потому что петушки часто вели себя так, когда обитатели юрты повторяли вслух суры Корана или читали молитвы. Наконец, после того как братья по крови окунули большие пальцы в чашу и обняли друг друга, один из них выпустил петушка, и тот удрал, едва откидной полог юрты был поднят, а мужчины занялись своими делами, как ни в чем не бывало. Но с того момента каждый мог искать у другого убежища ночью, если его преследуют враги, и получить лучшую лошадь для бегства на следующий день, как и рассчитывать на помощь в любой опасности или на поле боя. И каждый также был вправе ожидать, что другой скажет правду, не увиливая и без утайки, если вопрос будет задан наедине.

Если они так и думали, то, конечно же, забыли обо всем, когда женщины внесли исходящие паром чаши с бульоном и блюда с мясом годовалых овец и поднесли сначала Боко, а потом Ислам-баю. Но перед этим им на руки полили теплой воды у двери юрты, после чего все пробормотали традиционные слова молитвы. Затем раздали по кругу большие куски лепешки, и теперь каждый запускать руку в большое блюдо, чтобы взять кусок мяса, и всасывать сквозь зубы

незаправленный бульон из чаш, чтобы запить это мясо, так же как Боко-батыр запивал чаем хлеб, когда только прибыл. Наевшись, они снова омыли руки водой, которую полил им один из работников Ислам-бая, и вытерли сухими длинными хлопчатобумажными полотенцами, разостланными Ислам-баем поперек их коленей еще до начала трапезы. Наконец работники собрали остатки пищи и унесли все наружу, чтобы доесть в компании с детьми Ислам-бая, а женщины тем временем принесли чаши с чаем, сдобренным на сей раз корицей и сахаром, так же как и солью. Шумно втягивая в себя горячую жидкость, они издавали и другие звуки – более отрывистые, которые в казахских добрых манерах, совпадающих с таковыми у доктора Джонсона и его современников, служат подтверждением того, что пища была обильна и вкусна.

– Принеси дров, лентяй, – скомандовал Ислам-бай Оспану, когда старшие расслабленно устроились на подушках. – Не пора ли развести огонь и раздуть пламя, чтобы стало светлее? Даже дикий зверь знает, что с наступлением вечера становится темно.

Оспан шепнул братьям, и они принесли полные охапки дров из груды позади юрты. В то время как один из них осторожно раскладывал дрова на тлеющих угольках сухого коровьего навоза, на котором недавно готовилось мясо, другой энергично раздувал огонь мехами, пока юрта не озарилась мерцающими языками пламени, длинные фантастические тени от которого нескончаемо извивались, подобно полосам притемненной молнии, и мчались, чтобы бесшумно разбиться на части у толстых войлочных стен.

Наконец Ислам-бай решил, что пламя достаточно высоко, и подал знак Оспану прекратить подпитывать огонь. Боко-батыр подозвал Оспана к себе и, когда тот повиновался и встал почтительно перед ним, произнес:

– Сядь здесь, рядом со мной.

Оспан молча сел, и настала долгая тишина. Наконец Боко-батыр положил руку на голову мальчика и произнес:

– Мы тут перед едой говорили о том, что за мою голову назначена награда. Не так ли, о мой брат? – добавил он, поворачиваясь к Ислам-баю.

– Был такой разговор, – согласился Ислам-бай.

– Те, кому грозит опасность, живут долго, потому что, как я сказал уже, Бог заставляет их быть осторожными. Но смерть приходит ко всем по воле Божьей.

– Не дай Бог прийти смерти к тем, кто сейчас с нами в этой юрте, – сказал Ислам-бай, – и пусть ни один из них не умрет прежде своих лет.

И жены его отозвались эхом:

– Не дай Бог...

– Все в руках Божьих, – заключил Боко-батыр. – Однако мудрый человек, особенно если он предводитель тысяч, как я, смотрит вперед и строит свои планы так, чтобы не наступил день, когда его последователи останутся без вождя. Не так ли, о брат мой?

– Именно так.

– Лидерство, – продолжал Боко-батыр, – идет от Бога, а не от человека. Причем оно не всегда благословляет плоды чресл вождя. Сын или дочь может возглавить клан своего отца, а может быть, и целое племя – в мирное время. Но доверять им судьбу войны, если они не годятся для этого, – преступление перед Богом.

– Бог учит храброго жеребца вставать перед табуном своих кобыл и жеребят, когда к ним приближается в горах опасность, – заметил Ислам-бай.

– Прекрасно сказано, – одобрил Боко-батыр. – У меня нет жеребца, который позаботился бы о моем табуне, если бы меня забрали от него, – продолжил он, повернув лицо Оспана к себе. – Действительно ли этот парень – такой храбрый жеребец? Как полагаешь ты, о отец Оспана?

Ислам-бай вдруг усмехнулся, неожиданно и даже озорно.

– То, что он – не мерин, я знаю, – ответил он. – А более того мне, его отцу, сказать нечего. К тому же ему нет и двенадцати.

– Думаю, он достаточно взрослый, чтобы отправиться со мной, так я смогу получше узнать его, – проговорил Боко-батыр.

– Что скажешь, сынок? – спросил отец.

– Если на то будет воля моего отца и Боко-батыра, я поеду с радостью.

– Послушай, что я скажу тебе, поскольку мы обсуждаем не безделицу, – сказал Боко-батыр. – Твой отец хорошо знает, что со времен Чингисхана... нет, испокон веков мы, казахи, скитались по этим горам, не платя никому дани и не подчиняясь никому, кроме Бога и избранных нами вождей. Затем с той стороны пустыни Гоби пришли неверные иноземцы, чтобы сделать нас рабами. Твой отец знает, а враги наши знают еще лучше, что я вел джихад – Священную войну – против кытаев все эти двадцать лет и призывал наш народ бороться с ними. Однажды мы загоним их обратно в пустыню, откуда они пришли, и уничтожим их там, даже если их будет столько, сколько песка в Такла-Макане.

Боко-батыр помолчал мгновение и затем продолжил:

– Твой отец, о Оспан, человек мира, а я – тот, кто живет борьбой и любит это. Но мы оба любим наш народ, каждый по-своему. И больше, чем он любит мир, а я войну, мы любим друг друга, еще с тех пор когда были парнями вроде тебя. Прошлой ночью, когда я спал, ко мне пришло в голову, что в этой юрте есть тот, кто обладает навыками отца на пути мира, но кого я могу научить своим навыкам на тропе войны. И если я сделаю это, то, когда уйду, борьба продолжится, и ее возглавит один человек, а не два или много больше, как это было всегда. А когда я пробудился, новый день уже начался, и мне захотелось приехать сюда, чтобы увидеть все своими глазами, и я прибыл.

На какое-то время в юрте вновь наступила тишина, и тогда мать Оспана нарушила ее:

– Настанет день, когда моего сына будут называть Батыром, как сегодня называют этим именем другого. Берите его и учите, а если он окажется недостойным, пусть возвращается в юрту отца.

– Если меня посчитают недостойным, я никогда не вернусь, – сказал Оспан. – Я лучше умру.

Взрослые проговорили до поздней ночи после того, как было решено, что Боко-батыр возьмет Оспана с собой, чтобы воспитать его как лидера партизан. Оспан тем временем вернулся скромно к своему месту среди братьев, чтобы поддерживать огонь, когда это требовалось, но в беседе участия уже не принимал. Необходимо было взвесить все за и против, а особенно это касалось того, как отвести подозрение, падающее на Ислам-бая, что его сын борется с китайцами; как помешать китайцам схватить Ислам-бая и пытаться его, чтобы заставить сказать, где скрывается Боко-батыр.

Оспан слушал жадно и молча. Он слышал, как Боко-батыр, и отнюдь не в последний раз, высказывал свою жгучую ненависть к китайским чиновникам – за их вымогательство, жадность к золоту и полезным ископаемым, лежащим в недрах родной для казахов земли, за их жестокость по отношению к тем, кто попадал в их когти, если только эти люди не были достаточно богаты, чтобы купить свою свободу. Боко-батыр осуждал грабительские цены, установленные китайскими купцами, и захват китайскими иммигрантами Алтайской земли из-за чего законные владельцы ее оказались запертыми в пределах все более сужающихся границ, вместо того чтобы иметь возможность свободно кочевать, где захочется, не встречая никаких препятствий, как делали это их предки с самого начала времен.

Оспан слушал, и сердце его пылало. Под влиянием Боко-батыра росла и углублялась с годами его ненависть против китайцев. И когда в 1930-х годах к китайской опасности добавилась более масштабная угроза коммунизма, недоверие Оспана к китайскому национализму заставило его колебаться, стоит ли вступать в союз с националистами против русских и китайских коммунистов. С его точки зрения, и то и другое представляло одинаково большую опасность для казахского образа жизни.

Трудно критиковать его. Китайцы не предлагали иного будущего для покоренных ими народов, кроме как стать китайцами. Даже сорок лет спустя, в июне 1952 года, доктор Чжу Цзя-хуа, бывший вице-премьер Китая, все еще мог написать из изгнания на Формозе¹ тюркскому лидеру, Мохаммеду Эмину Бугра, который в то время жил как беженец в Стамбуле:

«Не только Синьцзян (Западные владения) находится в Китае, но и большая часть территорий за его пределами некогда входили в состав Китайской империи. Именно поэтому все китайцы считают их священным наследием... Китайская кровь – смесь многих племен... Понятие единой семьи Поднебесной – не просто красивые слова... они служат мерилom нашего ежедневного поведения.

В жизнеописаниях выдающихся монахов содержится интересный рассказ о том, как Джамолош, синьцзянский монах, явился ко двору одного из недолговечных царств в эпоху варварских вторжений и как властелин того времени подарил ему десять прекрасных китайских дев, с тем чтобы сохранить лучшие качества его ума через потомков... Потомки Джамолоша, если таковые были, от его прелестных жен, возможно, растворились в китайском обществе и сформировали часть китайской нации...

Современная китайская раса – продукт многих расовых элементов, чем объясняется великолепие китайской цивилизации и неослабная энергия китайского народа...»

Мохаммед Эмин Бугра ответил, что «язык, религия, письменность и другие характеристики тюркских, монгольских и тибетских народов, которые находятся теперь под китайским владычеством, не имеют ничего общего с китайскими... Туркестан расположен вне естественных границ Китая, в совершенно иной географической области, и тюрки составляют девяносто шесть процентов его населения. Следовательно, он должен быть независимым... Тем

¹ Формоза – историческое название острова Тайвань – Прим. ред.

более, что там насчитывается более восьми миллионов тюрок, представленных уйгурами, казахами и т. д. ...И в мире существуют более десяти свободных наций с населением меньше миллиона и двадцать – с населением меньшим, чем в Туркестане».

Вот за что, вкратце, Оспан-батыр ненавидел китайцев и боролся с ними. И по этой же причине он, Калибек, Хамза и прочие позже выступали против российских и китайских коммунистов, стремившихся искоренить их казахскую идентичность.

Утром, после того как Боко-батыр предложил забрать Оспана и воспитать его как своего преемника в священной войне, Ислам-бай, его семейство и их гости поднялись, как обычно, на рассвете для первой дневной молитвы, и спустя час или чуть позже Оспан с постельными принадлежностями, привязанными поперек седла, выехал со стоянки вслед за своим новым опекуном и учителем. Он покончил с аульной школой и должен был учиться впредь в школе жизни.

Нетрудно вообразить его чувства. С тех пор как ему стал понятен язык взрослых, он слышал о подвигах Боко-батыра. Партизанский лидер был излюбленной темой бесед всякий раз, когда в юрте Ислам-бая принимали гостей. Странствующие певцы-сказители исполняли длинные дастаны-баллады, которые они написали в его честь, и учитель Оспана, аульный мулла, учил детей записывать их и затем петь, используя ту же самую музыку, что и сказители, обращавшиеся к мелодиям далекого прошлого.

Так что в глазах Оспана, должно быть, вокруг головы Боко-батыра сиял почти видимый ореол, а ноздри щекотал сладостный аромат причастности к священному делу, пока они ехали вместе к долинам в верховьях Алтая. И хотя мы не знаем точно, когда это было или куда они двигались, я полагаю, что это было поздней осенью, и линия снега уже начала спускаться к месту, где Ислам-бай расположился на зимовку. Но где бы они ни были и куда бы ни направлялись, их путь проходил возле снеговой линии: Боко-Батыр всегда предпочитал потайные места глубоко в горах, где врагам было бы трудно обнаружить его.

Поэтому вскоре они ехали уже вдоль полосы снега – Боко-батыр впереди, на правляя коней в нужную сторону только нажимом колена и мягким подергиванием поводьев, что ярко свидетельствует об отношении казахов к лошадям: «Хорошей лошади не нужен кнут» – говорят они.

Путь их пролегал через потемневшие луга и среди деревьев, и порой казалось, что никакой тропинки нет. Боко-Батыр, оглянувшись однажды, чтобы посмотреть, как дела у Оспана, усмехнувшись, сказал:

– Ну как, сможешь найти дорогу назад?

– Нет, господин. Но конь мой сможет.

– Хорошо! – коротко отозвался Боко-Батыр. Но через несколько мгновений вновь обернулся и добавил: – Доверяй коню на дороге, которая ему знакома. Но приходит день, когда нужно найти новую дорогу или показать старую дорогу новой лошади. Тот, кто следует по моим стопам, должен знать, как сделать это, и научить этому других, как и свою лошадь.

Оспан и в самом деле учился. Когда он возмужал, и накидка Боко-батыра оказалась на его плечах, он, бывало, кичился, что после сражения ускользал в

одно из потайных мест, и все китайские отряды трех провинций – Синьцзян, Цинхая и Ганьсу – не могли найти его, хотя иногда находились в пределах слышимости и даже на расстоянии ружейного выстрела. Но времена менялись, и в конце концов враги начали охотиться на него с самолетами, от которых было не так легко укрыться, хотя иногда даже самолеты были не в состоянии обнаружить его. Впрочем, до Второй мировой войны самолеты были редкостью.

Пока же Оспан ехал рядом с Боко-батыром, но чаще – вслед за ним, и его острые глаза в какой-то момент заметили почти неуловимые признаки, указывавшие, что они приблизились к стоянке: скальную породу, местами затертую до гладкости копытами проходивших животных, клочки шерсти на кустарнике, овечий помет.

– Ты бывал здесь прежде? – спросил Боко-батыр.

– Нет, никогда.

– Все это владения твоего отца.

И Оспан вдруг понял, почему отец иногда покидал аул рано утром и не возвращался до следующего дня или даже до послезавтра. Это был урок ему: держать при себе свои планы, чтобы друг или родственник неосторожно не выдал секрет. Скрытность – типичная черта характера казахов, необходимая в тех условиях, в которых они жили. Но в то же время она мешала взаимоотношениям казахов с другими и даже между собой. В случае с Оспаном было еще сложнее, потому что он предпочитал отмалчиваться, нежели говорить неправду, что никак не годилось в общении с соотечественниками.

В течение последующих восемнадцати месяцев Боко-батыр брал Оспана с собой в набеги и научил его многому из того, что должен знать предводитель партизан: как стрелять – сначала в зайцев, а потом в людей, как стрелять от бедра на полном скаку, как в течение двадцати часов кряду сидеть верхом на лошади, освободив ноги и расслабившись, и как снова делать это на той же самой лошади в течение следующих двадцати часов, отдохнув всего лишь четыре часа. В последующие годы для Оспана в сопровождении охраны не составляло никакого труда проехать 300 миль за неделю.

Помимо воспитания храбрости и выносливости, Боко-батыр учил юношу, как вести успешный набег, как сдерживать волнение своих приверженцев и позволить главным силам врага пройти мимо, ничего не заподозрив, а затем стремительным ударом уничтожить их арьергард и ускакать под защиту дружественных Алтайских гор, прежде чем основные силы противника смогут развернуться. В горах, везде, где проходы были довольно узки, Боко-батыр заграждал дорогу перед колонной или караваном и затем катил по ней сверху вниз камни, пока враги не повернут и не побегут – лишь для того, чтобы обнаружить, что дорога позади них была перекрыта после того, как они там прошли.

– Это славная жизнь, Оспан, сын мой, – частенько говаривал Боко-батыр. – О, моя жизнь! – обыкновенно добавлял он и трясся большим животом от смеха так, что едва не вываливался из седла. – Врасплох подкрасться к врагу сзади и унести боеприпасы, которыми он намеревался лишить нас жизнью, а затем ускакать галопом и скрыться из виду, прежде чем он успеет зарядить винтовки. Тебе понравится такая жизнь, Оспан, тебе понравится!

Интерес самого Боко-батыра к волнующим событиям захватывающей партизанской жизни красной нитью проходит по легендам и историям, окутавшим память о нем. Когда он взял Оспана в ученики, он уже много лет перемещался по всей территории Китайского Туркестана и дальше, ловя каждый удобный случай, каждую возможность схватить китайцев за их маньчжурские хвосты или подергать за ноги.

Он слыл очень сильным, и хотя китайцы несколько раз пленили его, но никогда не могли удержать долго. Иногда они сковывали железными наручниками его запястья, но он, ломая пальцы, рвал железо и уходил прежде, чем его похитители или тюремщики успевали поднять винтовки. Рассказывают, что однажды, схватив Боко-батыра, его, скованного, завернули в шкуру только что убитого быка, причем понадобилось некоторое время, чтобы найти достаточно крупное животное. Боко-батыр пролежал в этом отвратительном облачении довольно долго: в одном сообщении говорится, что в течение шести месяцев. Но однажды утром, когда тюремщики пришли кормить его, они нашли только шкуру.

Мы можем вообразить Боко-батыра рассказывающим Оспану о таких приключениях, когда они сидели вместе в свете костра перед сном. Оспан заворуженно слушал. Но вместо того чтобы научить Оспана подражать, озорные и безрасчетные подвиги Боко-батыра показали ему, что борьба за независимость требует осмотрительности, так же как и мужества. Он усвоил, как важно следить за своим языком, чтобы не позволить втянуть себя в лишнюю опасность, и что необходимо постоянно быть начеку, выявляя предателей среди своих людей, как бы это ни было печально. Тот факт, что Боко-батыр оказался завернут в шкуру быка из-за измены уйгура-предателя по имени Исмаил, значил в глазах Оспана больше, чем сила, которая дала Боко возможность обрести в конце концов свободу. Сила в глазах Оспана – дар Божий, как и благоразумие, и долг того, кто обладает этими качествами, – быть уверенным, что пользуется ими верно. А Бог хранит тех, кто поступает так.

Кроме освоения способов вести войну, Оспан узнал от Боко-батыра также, как пересечь границу Китая, не будучи остановленным китайскими пограничниками, и пройти на территорию, в то время бывшую еще царской Россией – или «Расси», как называл ее Боко-батыр. Перейдя границу, они могли передвигаться без каких-либо опасений, поскольку у Боко-батыра было много друзей среди российских чиновников. Иногда они шли дальше на север и добирались до оленеводческих районов Южной Сибири. По крайней мере однажды они оказались в Алма-Ате, прекрасной столице Казахской Советской Республики, известной своими фруктовыми садами и климатом по всей Азии.

Возвращаясь на Алтай, они пригнали длинный караван недавно приобретенных верблюдов, груженных оружием и боеприпасами, которые дали им русские. Тогда, как и позже, когда красные взяли верх над белыми, это была российская политика – устраивать как можно больше беспокойств для китайцев в Синьцзяне, поскольку Россия жаждала заполучить эту провинцию – и все еще думает об этом. Вдоль границы есть полоса шириной двести миль, от притязаний на которую, предъявленных еще царями, Москва никогда не отказывалась. Советское правительство оккупировало часть этой полосы в 1946–1947 годах и до сих пор удерживает ее. Советские претензии на другие части официально тоже не отозваны, и в настоящий момент там сохраняется неопределенность. В этом

регионе есть и золото, и вольфрам, и, если верить казахских беженцам в Турции, уран. Некоторые из них добавляют, что русские хотят соорудить там атомную установку, а другие – что они уже сделали это.

С помощью оружия, которое дали ему русские, Боко-батыр внезапно поднял полномасштабное восстание против китайцев. Поначалу он созвал курултай («Hur Altai»¹), как называли казахи военный совет со времен Чингисхана. Он намеревался собрать всех вождей тысяч и десятков тысяч казахских кереев Алтая Тянь-Шаня и Баркуля. Многие из приглашенных не прибыли из зависти, или из вялости, или потому, что рука китайского сборщика налогов пока не упала своей тяжестью на них, и они еще не опасались, что будут ассимилированы в «единую семью Поднебесной». Тем не менее Боко-батыру удалось собрать силу почти в десять тысяч человек.

Последовавшая за этим кампания завершилась катастрофой. Сражение произошло под Кукулуком на южных склонах Тянь-Шанских гор и стало предвестником другого столкновения, о котором мы расскажем в свое время.

Тогда, в Карашаре, готовясь к опасному переходу через Иссохшие горы (Thirsty Mountains)², Боко-батыр подозвал своего четырнадцатилетнего ученика и сказал:

– А теперь, прошу тебя, возвращайся. Оставь меня, ибо ты нужен твоему народу.

И Оспан, почти как Елисей³, ответил:

– Пока жив Бог, пока душа моя находится в моем теле на земле, я никогда не оставлю тебя.

– Нет, – ласково сказал Боко-батыр, – ты нужен своему народу, ведь я предсказывал: после тебя уже не родится никто, подобный тебе, и если ты умрешь, твой народ станет подобен овцам без пастуха.

– Тогда возвращайся со мной, отец мой, – умолял Оспан, – потому что я никогда не оставлю тебя.

– Нет, сын мой. Мое дело окончено. Теперь я отправлюсь посмотреть, где тебе можно будет укрыться, если дома когда-нибудь ловушка начнет захлопываться над тобой. Я завел тебя так далеко, чтобы показать путь.

Затем предводитель и его ученик расстались. Боко-батыр, отступая, ушел через страшные Иссохшие горы к Гасколю, озеру прямому и узкому, как линейка. Последняя его схватка произошла поблизости, на берегу другого озера, название которого – Ачикколь. Его необученные воины не смогли достойно противостоять китайским регулярным войскам, и в результате решающего сражения казахи оказались разгромленными без надежды на восстановление. Среди погибших были первая жена Боко-батыра и его самый младший брат, Шуко-батыр. Их похоронили недалеко от места сражения, а друзья и Боко-батыр установили мемориальные камни на могилах, стоявшие там еще в 1950 году. Если бы их не убрали, то любой кочевник-казах из все еще обитающих по соседству, без всякого сомнения, показывал бы гостям с Запада эти обелиски как память о Боко-батыре и его семействе, до сих пор пользующихся большим почетом. Но, вероятно, за-

¹ Эр Алтай или курултай. – Прим. пер.

² Thirsty Mountains – Куруктаг или Чолтаг. – Прим. пер.

³ В Четвертой книге Царств пророк Илия трижды отсылает от себя пророка Елисея (гл. 2, 2:11). – Прим. пер.

хоронения были уничтожены коммунистами с целью стереть память о тех, кто был положен там на покой.

После сражения Боко-батыр собрал вместе пять тысяч своих людей с их отарами, стадами и семьями и увел в пустыню искать новый приют вне досягаемости центрального китайского правительства. Они шли вперед не скопом, все вместе, как это делали дети Израиля, но маленькими группами, организованными, точно как дети Израиля после того как Иофор, священник Мадиаемский, сказал Моисею своему зятю, как организовать последователей, а именно по тысячам, сотням, полусотням и десяткам.

Итак, Оспан возвратился в юрту своего отца в долину Девятизубого гребня – Тогузтарау, а Боко-батыр откочевал с последователями к югу, через обширную дикую пустыню Такла-Макан, через неприступные Иссохшие горы, название которых говорит само за себя. Многие погибли. Но большинство, и Боко-батыр среди них, пробились через пустыню сначала к Ачикколлю и затем, после сражения, по могучим горам Куньлуня к Тибету. Таким образом, они проложили путь, по которому казахи позже прошли по крайней мере трижды, несмотря на страдания, которые претерпевали каждый раз.

Боко-батыр намеревался идти в Турцию, но когда достиг Лхасы, когти китайского дракона дотянулись до него. Его голова была отделена от туловища и много дней спустя выставлена на высоком шесте над одними из ворот Урумчи, столицы Синьцзяна, больше чем за тысячу миль от места, где была отрезана. Она висела там до тех пор, пока коршуны не вырвали последние остатки плоти, а солнце и ветер не иссушили ее так, что не осталось ничего, кроме голого черепа. Тогда власти выбросили его и водрузили на это место другую голову.

Из людей, что были с Боко-батыром, некоторые остались в Тибете, выбрали жен среди людей этой страны и создали семьи, которые все еще живут там. Другие попали через Гималаи в Индию, но большинство вернулись домой.

Глава 3 ОСПАН-БАТЫР РАСТЕТ

Хотя Оспану было всего четырнадцать лет, он возвратился к юртам своего отца в долину Девятизубого гребня не просто как закаленный партизан, но как возможный преемник наиболее известного партизанского вождя того времени. За восемнадцать месяцев, проведенных возле Боко-батыра, он познал трепетную дрожь бешеной скачки во весь опор при налете, когда винтовка на бедре, руки заняты стрельбой и перезарядкой, а ноги и тело управляют конем, равно как и при выходе из боя, когда стремительный налет закончился и прозвучал сигнал рассеяться и отходить – и он уносился на коне вдаль, и приходилось разворачиваться в седле, чтобы отстреливаться от преследователей. Не раз его ставили во главе десяти и даже пятидесяти всадников. Но чаще он просто держался как можно ближе к угольно-черному жеребцу Боко-батыра, чтобы видеть, как предводитель ведет своих людей и управляет ими в ходе сражения. Любимыми стратегическими приемами Боко-батыра были измотать противника, нанести быстрый удар и уйти в горы, чтобы ударить снова в каком-нибудь отдаленном месте, где китайцы меньше всего ждали его. В таких случаях его

бойцов не сопровождали их семейства и стада. И почти без груза, если не считать боеприпасов, они могли при необходимости, имея заводных лошадей, пройти сто миль за день, тогда как китайцы считали, что день прошел удачно, если перекрывали тридцать миль.

Но в конце, вероятно по наущению русских, Боко-батыр стал пытаться перейти к наступательным операциям, для которых у него не было ни оружия, ни транспорта, ни обученных бойцов. В своих родных горах всадники-казахи были грозным противником: подвижные, смелые, проворные, способные использовать знание местности к наилучшей своей выгоде. Но именно они оказались в невыгодном положении для решающего сражения и были совершенно неспособны предпринять осаду окруженного стеной города, каких много в Восточном Туркестане.

Вот почему в 1913 году Боко-батыр столкнулся с беспощадной альтернативой: либо сдаться, что неизбежно означало смерть, либо бежать. Его людям пришлось выбирать между тем, чтобы уйти и затаиться на время, пока китайцы забудут о них, или последовать за предводителем, куда бы он ни пошел. Так и поступали всегда казахи. И это было проявлением свободной воли каждого воина, который знал, что если он избрал второй путь, то это означает собрать юрту и пожитки и следовать со всей семьей, женами, детьми, отарами и стадами не менее чем за тысячу миль, и на всем пути они будут подвергаться опасности, иногда от китайцев и тибетцев, но гораздо чаще – от бесплодия пустыни и гор, через которые проляжет их дорога.

Боко-батыру не повезло: он достиг Лхасы в один из сравнительно редких периодов тибетской истории, когда китайское влияние там было сильно. Я думаю, он должен был ощущать эту опасность, когда приказал Оспану вернуться на Алтай. Иначе он, конечно, взял бы мальчика с собой в землю обетованную, вместо того чтобы отправить домой.

Оспан выехал домой из окрестностей Карашара, города-крепости у озера на южных отрогах Тянь-Шаня. Карашар находится приблизительно в трехстах милях от мест, где жил Оспан, и, как говорят, это путешествие верхом заняло у него неделю. По пути он миновал знаменитый город Турфан, который лежит во впадине на девятьсот шестьдесят футов ниже уровня моря. В Турфане так жарко, что мужчины и женщины могут обрабатывать свои поля только ночью. Зато ягоды турфанского винограда достигают почти двух дюймов в длину и славятся как самые сладкие и сочные во всей Азии, так же, как местные дыни.

Дорога Оспана домой пролежала частью через обработанные земли, частью через голые степи и пустыни. Местами двигаться приходилось по каменистой почве, где с трудом различались следы, однако путь был отмечен скелетами верблюдов, лошадей и других животных, павших на радость коршунам и шакалам, постоянно кружившим неподалеку. Иногда в стороне от тропы можно было заметить груды камней, означавшую, что тут погиб и захоронен странник. Любой одинокий путник, даже опытный, должен быть предельно осторожен при путешествии по такой дороге, а для четырнадцатилетнего Оспана это было вдвойне необходимо. У него уже была определенная репутация, и если бы какой-нибудь любознательный китайский чиновник или солдат увидели его и попросили объяснить, что он, столь молодой казах, делает в полном одиночестве вдали от дома, он, возможно, затруднился бы с ответом. Так что, вероятно, он с некоторым трепетом посетил

окруженный стеной город и рынок, покупая продовольствие для себя и своего коня. И, без сомнения, его тревоги уменьшались по мере того, как он ехал день за днем, минуя неприятности.

Ни один упитанный теленок не был заколот в честь его возвращения в аул отца, потому что это не в казахских обычаях. И отец не порадовался обретенному им умению отыскивать дорогу и остерегаться врагов – Ислам-бай считал бы сына глупцом, окажись тот не способен усвоить это. Кроме того, Ислам-бай должен был быть осторожен, чтобы не поползли слухи о долгом отсутствии его сына и чтобы ни предатель, ни даже просто праздный болтун не смогли выдать тайну китайцам.

Так что Оспан занял свое место в юртах отца, как если бы ничего необычного не происходило с ним в течение предыдущих двадцати месяцев. Время от времени после его возвращения в кочевье приезжали незнакомцы – Оспан узнавал этих людей, но никому не говорил об этом. Отец угощал их в соответствии с традиционным казахским гостеприимством, и на следующее утро они уезжали, не сказав за время пребывания ничего, что могло бы создать впечатление, будто они когда-то прежде уже встречались с Оспаном. Однако уезжали они в полной уверенности, что наступит день, когда они опять сплотятся и возобновят борьбу против китайцев. Оспан помнил их имена и обычное местонахождение, но никогда не записывал их на бумаге, чтобы уберечь от посторонних глаз. Он не доверял бумаге.

От одного такого странника Оспан услышал, что его любимый учитель казнен. Кто сообщил, я не могу сказать, но, говорят, узнав эту новость, Оспан поклялся тысячекратно отомстить за смерть Боко-батыра. И он действительно сделал это в более поздние годы, выкорчевывая китайцев с земли Восточного Туркестана и не проявляя при этом никакого милосердия невзирая на пол или возраст и не идя ни на какие соглашения. Он обходился с ними фактически так же, как Моисей наставлял сынов Израиля обходиться с местными жителями, когда евреи вторглись в землю Ханаана. Сложно сказать, Оспан ли первым пришел к этой политике или китайцы. Но обеим сторонам было трудно отказаться от нее даже после 1944 года, когда Восточный Туркестан, как и сам Китай, безнадежно претендовал на независимость от объединенных сил китайских и русских коммунистов.

В течение первых нескольких лет после возвращения Оспан жил обычной жизнью молодого казахского парня: помогал отцу, участвовал в играх и состязаниях с ровесниками, устраивал в холмах облавы на полудиких лошадей и клеймил их специально выкованным тавром, которое было зарегистрировано местными китайскими чиновниками. Он также научился натаскивать охотничьих орлов, которых держала его семья, на ловлю алтайских лис, чьи шкурки шли на окантовку одежды. Он стриг отцовских овец, но не как мы – один раз в год, когда шерсть – в лучшем своем качестве, а когда цена на местных базарах была высока или когда семье требовался войлок. В таких случаях Оспан заставлял одного из слуг поймать и держать овцу, которую не стригли долгое время, и затем отстригал ее шерсть, насколько это было возможно, орудуя примитивными ножницами, скорее походившими на простые пружинные садовые ножницы, которыми у нас весной иногда пользуются садовники, выстригая маленькие заплатки травы. Это было медленное дело и совершенно не доходное, так как редко Оспан тратил меньше часа на стрижку одного животного. Но в понимании казахов время и деньги не одно и то же, как утверждает поговорка в нашем языке.

Когда Оспану было около шестнадцати (у нас нет точной даты его рождения), отец сказал ему, что пришло время подумать о женитьбе.

– Я сам, – сказал Ислам-бай, – и, как положено, твоя мать тоже много думали об этом. Будет правильно, если ты, наш первенец, женишься, раз ты пришел в возраст, способный дать семя, чтобы род наш не вымер.

– А есть ли подходящая девица? – спросил Оспан.

– Не в нашем кочевье, как тебе самому прекрасно известно, – ответил Ислам-бай. – Но есть одна, о которой хорошо говорят, дочь Баймуллы, она нашего племени, но не нашего рода. Она – одна из многих дочерей, так что ее отец не потребует за нее большого калыма.

– Разве Кайни не входит в запретную степень родства? – спросил Оспан. – Ведь жениться на родне – большой грех. Разве не написано, что тот, кто женится на родственнице, совершает прелюбодеяние?

– В нашем роду, как ты знаешь, если нет общего предка в пределах четырех поколений, это законно, – ответил Ислам-бай. – Но, как гласит пословица: «Кто не может назвать своих предков до седьмого колена, тот отступник». Так вот Баймулла и я не имеем ни единого общего предка в глубину до восьми поколений.

– Тогда давайте выберем почтенного человека быть сватом, – сказал Оспан. – Потому что написано также, что выбирают невесту родители, а сын повинуется.

– Когда я выходила за твоего отца, – вставила мать Оспана, которая до сих пор слушала, не перебивая, – то целый год перед свадьбой прислуживала в юрте его матери. Поэтому когда мулла спросил нас обоих, сможем ли мы быть счастливы вместе, мы оба искренне ответили «Да».

– Так же точно поступим и с твоим сыном Оспаном, о моя байбише, – пообещал Ислам-бай. – Пусть девица до свадьбы побудет прислугой в твоей юрте. Но смотри, чтобы между ними не было никаких глупостей, иначе мне придется заплатить большой выкуп за то, что ее обесчестили. Ведь если она не угодит, мы должны возвратить ее матери девственницей, и тогда не будет никакой вражды с обеих сторон. Ну а если понравится, пусть они поженятся.

Очень скоро нашелся подходящий для сватовства человек. Сначала он долго и дотошно говорил с Ислам-баем, а затем отправился в юрту отца девушки, чтобы узнать, сколько тот хочет получить верблюдов, крупного рогатого скота, овец и лошадей за руку своей дочери. Баймулла жил примерно в тридцати милях от него, и каждое посещение требовало от посредника большого такта и умения, чтобы решить все вопросы со стороны, которая боялась прогадать, подобно библейскому Лавану... Так что переговоры продвигались довольно медленно. Но в конце концов они достигли договоренности, хотя и предварительной, потому что казахские обычаи разрешают любой из сторон отступить в день свадьбы, если нареченные жених и невеста не любят друг друга, или девушка уже не девственница. В последнем случае, кто совратил ее, тот и должен жениться на ней.

Кайни, однако, завоевала благосклонность с самого начала, и не только самого Оспана, но и всех обитателей в юртах его отца. Она умела читать, писать и слагала стихи так же хорошо, как и пела их. К тому же она была трудолюбива и искусно работала не только пальцами, но больше, пожалуй, на старой разбитой швейной машинке «Зингер» – такими некоторые казахские старейшины обзавелись для своих жен чуть ли не сорок лет назад.

Мы не знаем, ни сколько лет было первой жене Оспана, когда он женился на ней, ни сколько других жен у него было, прежде чем он умер. Определенно точно лишь то, что он никогда не имел более четырех жен одновременно, поскольку это было бы нарушением исламских законов, которых он строго придерживался в своей жизни. Впрочем, его вера разрешала ему, подобно библейскому Иакову, иметь наложниц, тем более что его жены не видели в этом ничего плохого. Одна из жен была главной и жила в юрте с Оспаном. Каждая из других жен, но не наложницы и не прислуга, имела собственную юрту, и для Оспана и женщин было бы постыдным, если бы женам пришлось делить одну юрту на двоих.

С момента своего прибытия Кайни занялась изготовлением расшитой тесьмы, лоскутных одеял, ковров и обрядовой одежды, которая ей понадобится после свадьбы. Тем временем отец и мать Оспана и их прислуга приготовили вещи, какими по традиции родители должны снабдить жениха. Они остригли множество овец, очистили шерсть, промыв ее в ручье, на берегу которого были разбиты их юрты, затем разложили на земле так, чтобы при хождении чувствовалась нужная толщина (около трех четвертей дюйма) – так готовился войлок для новой юрты Оспана. Каждая секция юрты делалась отдельно, шерсть для нее выкладывали нужной формы, но большего размера, с учетом усадки. Затем слой обильно обрызгивали водой, после чего мужчины терпеливо топтали его босыми ногами час за часом и день за днем, добавляя при необходимости шерсть, пока полотно не становилось толстым и плотным настолько, чтобы быть непроницаемым для ветра и дождя. Оспан, как сын главы рода, а затем и сам полноправный вождь, всегда жил в белой юрте. Те, что рангом ниже, жили в черных или серых юртах.

Когда настал день свадьбы, мулла спросил жениха и невесту, будут ли они счастливы друг с другом, и после того как оба ответили да, он объявил их мужем и женой. Той ночью, после пира, на котором присутствовала семья невесты, Ислам-бая и, конечно же, мулла, молодожены впервые спали в собственной юрте. И со следующего утра прислуга Ислам-бая и его работники никаких распоряжений от Оспана не принимали до смерти Ислам-бая, и Оспан не приказывал им ничего.

Оспан был женат всего несколько месяцев, когда на перевалах через Алтайские горы появилось, как казалось, крошечное облачко. Оно было следствием взрыва, произошедшего на расстоянии четырех – пяти тысяч миль отсюда, который уничтожил царскую тиранию и поставил на ее место более зловещую. Вскоре после так называемой Октябрьской революции 1917 года, которая на самом деле случилась, согласно нашему календарю, в ноябре, через русско-китайскую границу из Казахстана потекли тонкой струйкой казахи-найманы. Беженцы приходили маленькими группами, приводя с собой отары и стада. Одни шли через границу в Кульджу, далеко к юго-западу от Алтая; другие пересекали горы Тарбагатая, где проход в Джунгарию легок; иные двигались по долине Черного Иртыша, а некоторые прибыли через холмы и нагорья Алтая.

Проникновение шло медленно, со скоростью верблюда (которая составляет приблизительно три мили в час), и больше чем за год приблизительно сто тысяч казахов с территорий, являющихся теперь Советским Союзом, перебрались в Восточный Туркестан, потому что коммунизм уже угрожал традиционному укладу их жизни. С ними прибыли несколько миллионов их домашних животных: верблюды, крупный рогатый скот, овцы, козы, лошади. Исход прекратился в конце концов потому, что коммунисты при Ленине вдруг начали изображать из себя поборников

малых народностей и угнетенных рас Центральной Азии. И возобновился десять лет спустя, когда Сталин вступил на путь коллективизации сельского хозяйства и начал загонять неугодных ему крестьян-единоличников в шахты и на фабрики. На сей раз не меньше четверти миллиона казахов с семьями, отарами и стадами переселились на юг и восток Восточного Туркестана, что привело к бедственным результатам в животноводстве и земледелии Казахстана, ставшего теперь второй по величине республикой СССР. Многие семьи обоих потоков миграции вернулись в Советский Казахстан в течение нескольких последующих лет, особенно после того, как российские коммунисты последовали за ними в Восточный Туркестан во время губернаторства Шэн Шицая, которое началось в 1933 году. Но некоторые остались. Иные уходили также к Тибету и в Индию, хотя никто не преследовал их. Те, кто дошел до Индии, обнаружили, что ее климат не подходит им, и многие умерли.

Вне всякого сомнения, Оспан видел, как прибывали беженцы на территорию Китая в тщетной надежде спасти свой образ жизни от коммунистической тирании. Но их исход и причины его не произвели на Оспана особого впечатления, как, полагаем, и на любого из казахов, подмятых другой тиранией – китайской. В глазах Оспана и большинства его сторонников китайцы, которых они всегда видели перед собой, были пока еще врагами, а русские – друзьями. Что это были за друзья, они узнали позже.

Продолжение следует.

